
Л. Е. ГРИНИН, А. В. КОРОТАЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ МАКРОЭВОЛЮЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС (к постановке проблемы)*

Введение: об основных понятиях данной статьи

В настоящей статье мы принимаем определение *эволюции* как процесса структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы (см.: Классен 2000: 7)**. Подробнее к анализу этого определения мы вернемся ниже. Исходя из него, о *социальной* эволюции в принципе тоже можно говорить как о процессе структурной реорганизации обществ или институтов во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей формы, что дает такому обществу определенные преимущества (в широком смысле) в его взаимодействии с природной или социальной окружающей средой.

Однако главной темой настоящей статьи является только часть, точнее, особый тип социальной эволюции, которую мы считаем возможным назвать **социальной макроэволюцией**. Мы рассматриваем социальную макроэволюцию как такой тип социальной эволюции, в рамках которого наблюдаются надсоциумные *ароморфозы* высших типов. Под ароморфозами ряд отечественных

* Предлагаемая вниманию читателей статья является предварительным вариантом введения к монографии «Социальная макроэволюция», готовящейся к печати в издательстве КомКнига/УРСС (Москва). Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 06-06-80459).

Пользуемся случаем выразить нашу самую глубокую признательность кандидату биологических наук, старшему научному сотруднику Института общей генетики РАН С. А. Боринской и доктору биологических наук, главному научному сотруднику Палеонтологического института РАН А. В. Маркову за их ценные замечания, которые очень помогли нам при подготовке окончательного варианта этой статьи.

** *От редакции.* В связи с большим количеством ссылок редакция в виде исключения оставила в данной статье авторскую систему библиографического аппарата.

биологов-эволюционистов вслед за А. Н. Северцовым (1939; 1967) понимают появление у организмов в процессе эволюции таких приспособлений, которые в дальнейшем становятся универсальными (или по крайней мере приобретают достаточно широкое распространение), позволяют организмам выйти на более высокий уровень организации, дают возможность расширить использование внешней среды; речь идет также и о направлениях эволюции, ведущих к формированию указанных признаков (см., например: Северцов 1987: 64–76). В качестве примеров биологических ароморфозов можно привести такие эпохальные изменения, как переход от одноклеточных организмов к многоклеточным; переход к жизни на суше; переход от дыхания кислородом, растворенным в воде, к дыханию атмосферным воздухом и весь сложный круг преобразований внутренних органов, связанный с этим; образование четырехкамерного сердца при переходе от рептилиеподобных предков к млекопитающим (см., например: Северцов 1987). Для характеристики эволюционных изменений частного (не универсального) характера или не ведущих к усложнениям (упрощениям) организмов биологи-эволюционисты используют понятие *идеоадаптации*. Оно дифференцируется на *алломорфоз*, то есть преобразование организации без повышения или упрощения ее сложности, и *специализацию*, то есть выработку узких, односторонних приспособлений (см.: Шмальгаузен 1939; 1969; Матвеев 1967; Северцов 1987).

Поскольку в теории социальной эволюции подобная классификация эволюционных изменений отсутствует, мы считаем, что использование этих терминов (с учетом, разумеется, специфики социальной эволюции, о чем будет особо сказано) может оказаться достаточно продуктивным. Один из авторов уже довольно давно использует эту терминологию (см., например: Коротаев 1997; 2003).

В данной статье мы, однако, будем использовать эти термины с детерминативом *социальный*, чтобы показать не только сходство, но и отличия процессов биологической и социальной эволюций. Везде, где прилагательное «социальный» в отношении социальных ароморфозов, идеоадаптаций и т. п. опущено, оно, тем не менее, подразумевается.

Здесь необходимо сделать принципиальное уточнение. Дело в том, что среди эволюционистов не стихают (временами резко усиливаясь) споры о возможности и границах применимости эволюционной теории Дарвина к социальной (культурной) эволюции

(см., в частности, об этих дискуссиях: Hallpike 1986; Pomper and Shaw 2002; Mesoudi, Whiten and Laland 2006; Aunger 2006; Barkow 2006; Blackmore 2006; Mulder, McElreath and Schroeder 2006; Borsboom 2006; Bridgeman 2006; Cronk 2006; Dennett and McKay 2006; Fuentes 2006; Kelly *et al.* 2006; Kincaid 2006; Knudsen and Hodgson 2006; Lyman 2006; Mende and Wermke 2006; O'Brien 2006; Pagel 2006; Read 2006; Reader 2006; Sopher 2006; Tehrani 2006; Wimsatt 2006). Но, к сожалению, в большинстве случаев наблюдается поляризация взглядов, либо почти полностью отрицающих ценность дарвиновской теории для социальной эволюции (например: Hallpike 1986), либо, напротив, доказывающих, что культурная эволюция демонстрирует ключевые дарвиновские эволюционные признаки, и поэтому структура науки о культурной эволюции должна разделять фундаментальные черты структуры науки о биологической эволюции (Mesoudi *et al.* 2006). Однако первое достаточно непродуктивно. Если между биологической и социальной эволюцией есть заметное сходство, то почему не использовать до определенного момента наработки эволюционной биологии в социальной науке? С другой стороны, второй подход ведет в методологический тупик. Ведь если у социальной и биологической эволюционной теории существенно разные объекты исследования, то очевидно, что разные объекты будут диктовать и существенно разные методы и принципы исследования.

Мы считаем, что вместо давно устаревшего объективистского принципа «или – или» необходимо сосредоточиться на поиске методик применения достижений биологической эволюционной науки к социальной эволюции. Эти методики должны, прежде всего, определить те области, уровни, случаи и моменты, в которых допустимо такое использование, а также разумную степень -и в целом принципы такого применения. С другой стороны, необходимо очень четко показать, где и в чем методы и выводы биологической эволюции нельзя использовать. В настоящей статье в некоторых отношениях кое-что сделано в плане разработки таких методик. В целом мы полагаем: использование выводов и принципов теории биологической эволюции для анализа процесса социальной эволюции вполне правомерно, допустимо и продуктивно, но только в строго определенных и оговоренных случаях и масштабах.

Мы также хотели бы пояснить, что считаем использование нами некоторых биологических терминов вполне оправданным,

поскольку если в социальной науке удобный термин отсутствует, то почему бы его не взять из более развитой (и существенно родственной) науки? Социальным наукам как более поздним по времени достижения зрелости вообще свойственно подобное заимствование из естественных наук – от геологии до синергетики. Но использование такого термина требует его адаптации (что мы и пытаемся сделать).

В частности, сказанное позволило нам в данной статье ввести специальное определение *социального ароморфоза* как универсального/ широко распространенного изменения/приспособления в развитии социальных организмов и их систем, которое повышает сложность, приспособленность, интегрированность и взаимное влияние обществ. Стоит заметить, что уже в биологической эволюции от ароморфоза к ароморфозу растет и вероятность возникновения последующих ароморфозов (Северцов 1987: 73), в социальной же эволюции это свойство усиливается на порядки.

Важно, что биологи акцентируют внимание на том, чтобы различать более и менее крупные ароморфозы. Этот подход получил широкую поддержку (см., например: Шмальгаузен 1939; 1969; Матвеев 1967; Завадский 1968; Завадский, Жердев 1971; Иорданский 1977; Северцов 1987). По мнению А. С. Северцова, разделяемому другими, лишь оценка преобразований организации с точки зрения широты (расширения) адаптивной зоны, которую эти преобразования позволяют занять потомкам по сравнению с предками, дает возможность судить о направлении эволюции данного таксона. Предлагаемый критерий позволяет учитывать также наличие более или менее крупных ароморфозов (Северцов 1987: 65). Методологически такой подход очень важен и для оценки степени значимости социальных ароморфозов, которые можно классифицировать по объему и уровню распространения, а также по степени влияния на ход социальной макроэволюции. Ниже мы используем такой методологический подход, который имеет и еще одно важное преимущество: он дает возможность выделить в общем процессе социальной эволюции макроэволюцию, с которой, как уже сказано, мы связываем разворачивание важнейших эволюционных изменений на базе появления наиболее перспективных социальных ароморфозов.

В результате социальных ароморфозов: а) повышается уровень сложности обществ и увеличиваются возможности для них расши-

речь (изменить) природную и социальную среду их существования и функционирования (в виде, например, роста населения и/или производства), а равно степень их устойчивости в отношении влияния среды; б) увеличивается скорость не разрушающих общественную систему развивающих изменений, включая скорость заимствований; в) растет степень интегрированности обществ, создаются особые стабильные надсистемы (например, цивилизации, экономические и военные союзы) и надобщественные зоны, центры и особые надобщественные сферы, не принадлежащие ни одному обществу в отдельности; г) увеличиваются темпы эволюции в направлении создания сверхсложных предельных суперсистем (мир-систем, человечества), в рамках которых каждая общественная система, оставаясь автономной, становится частью такой сверхкрупной системы и развивается в ее рамках за счет специализации и особого внутрисистемного разделения функций.

В качестве примеров социальных ароморфозов можно привести: переход к производящему хозяйству; появление государства; возникновение письменности; переход к металлургии железа; появление мировых религий; становление национального рынка и т. п.

Социальные ароморфозы, характеризующиеся, прежде всего, пунктами «в» и «г», мы будем относить к социальной макроэволюции. Стоит особо отметить, что если в социальных эволюционных и тем более микроэволюционных процессах, как правило, преобладают одноуровневые и/или достаточно частные (то есть идиоадаптационные) эволюционные составляющие, то на социальном макроуровне особую роль начинают играть более чем одноуровневые (и потому в плане развития более важные) «восходящие» изменения, то есть социальные ароморфозы.

Сразу же скажем несколько слов о соотношении понятий «эволюция» и «развитие». Дело в том, что на макроуровне понятия «социальная эволюция» и «эволюционное развитие» очень сильно пересекаются. Ведь в процессах социальной макроэволюции, ведущих к появлению принципиально новых социальных макроформ и макросистем (таких как, скажем, переход от аграрно-ремесленных обществ к индустриальным, становление многообщинных политических систем, формирование сложной иерархии поселений или возникновение Мир-Системы с серией ее дальнейших последовательных трансформаций), составляющие *развития*, как правило,

имеют уже заметно более важное значение, чем идиоадаптационные составляющие. Фактически без развития, в том числе без движения, по Спенсеру, «от бессвязной однородности к связной разнородности», без двуединого процесса дифференциации и интеграции подобного рода макроэволюционные сдвиги просто невозможны. Конечно, в некоторых макроэволюционных сдвигах (например, при переходе к тоталитарным «социалистическим» системам) одноуровневые (и даже в некоторой степени дегенерационные) составляющие могли преобладать над ароморфозными. Вместе с тем, если мы хотим изучить макроэволюционный процесс, в результате которого мир, населенный относительно простыми группами охотников-собираателей, превратился в современную сверхсложную постиндустриальную Мир-Систему, наибольший интерес для нас все-таки представляют именно те макроэволюционные сдвиги, в которых преобладали составляющие развития.

В настоящей статье для общества (и социального организма как его синонима) мы принимаем следующее определение. Общество – это особая социально-политическая саморегулирующаяся система, способная поддерживать равновесие со средой и представляющая стабильное и политически в достаточной мере независимое от других общественных систем объединение людей, коллективов, групп, организаций, территориальных и иных единиц, а также материальных объектов на основе разнообразных и сложных связей (см. анализ понятия общества: Гринин 1997в: 22–25).

Наконец, необходимо сделать уточнение относительно понятий «история», «историческое развитие», «исторический процесс», которые нередко неправомерно используются как синонимы. Между тем следует учитывать, что первый термин гораздо объемнее двух остальных (см. подробнее: Гринин 2003: 18, 30–31; 2006а). Ведь история – это широкий контекст, включающий не только развитие, но и неэволюционное функционирование социальных систем, упадок, застой, круговорот, уничтожение, качественные трансформации, не сопровождающиеся значимым ростом сложности социальных систем (то есть развитием) или уменьшением их сложности¹

¹ Например, переход от матрилинейной родовой организации к патрилинейной (см., например: Мёрдок 2002); от частной собственности – к государственной; от экстенсивного земледелия к экстенсивному скотоводству и т. п. Кстати сказать, в отечественной биологии под развитием не обязательно понимается усложнение, может быть и «развитие в сторону упрощения», хотя, на наш взгляд, такое использование термина «развитие» не совсем оправ-

и т. п. Исторические развитие и процесс могут быть поняты лишь в рамках такого контекста, но они не равны ему по объему. В этой статье речь идет главным образом именно о развитии и даже уже – о процессе эволюционного развития (отметим, что в отечественной биологии нашему понятию «эволюционного развития» будет скорее соответствовать понятие «морфофизиологический прогресс»).

1. Некоторые замечания о проблеме общественных законов

Проблемы анализа макроэволюции и исторического процесса настолько тесно связаны с проблемой интерпретации общественных законов, что последние нельзя оставить здесь без внимания. Собственно, концепции всемирно-исторического процесса и возникли в связи с попытками открыть его главные закономерности. Многие исследователи полагали, что существует ведущая причина (фактор), которая определяет ход истории; она и составляет сущность основного общественного закона. Распространенными, начиная с А. Тюрго и Ж. Кондорсе (например: Тюрго [1776] 1961; Кондорсе [1795] 1995: 39), также были мнения, что прогресс имманентен обществу, а движение к нему составляет смысл истории и ее универсальный закон (см. об этом, например: Nisbet 1980). Прогресс, непрерывно и неуклонно идущий из глубины веков, стал «богом» многих социальных мыслителей (Парсонс 2000: 44; см. также очень характерные примеры подобных высказываний в знаменитой книге Л. И. Мечникова [1995: 237]).

Поэтому проблемы движущих сил эволюции, истории и прогресса оказались тесно связанными, а в некоторых теориях главный фактор эволюции и критерий прогресса прямо совпадали. Однако законы истории и до сих пор понимаются – причем как сторонниками, так и противниками их наличия – чаще всего именно в классическом объективистском или эссенциалистском, по К. Попперу, плане (см., например: Поппер 1983: 299–306), то есть как всеобъемлющие, абсолютные и непреложные, проистекающие из некоей

данно. И не случайно оно не получило распространения в мировой биологической науке. Развитие, связанное прежде всего с усложнением, в отечественной эволюционной биологии называют «морфофизиологическим прогрессом». В социальных науках под развитием все-таки обычно понимают именно усложняющееся развитие, которое в принципе можно в ряде случаев рассматривать как синоним социального прогресса (о социальном прогрессе см. подробнее: Гринин 1997; 2003; 2006; Кортаев 1997).

предвечной сущности². А отсюда рождалось и обманчивое убеждение, что «между природой и знанием существует полное совпадение» (см.: Bunzl 1997: 105). Поэтому решение поднятых в данной статье проблем вряд ли возможно без того, чтобы не затронуть проблему общественных законов и их трактовки (см. подробнее: Гринин 1997а; 2006б).

Абсолютно неправильно рассматривать законы (тем более общественные) как некую особую силу, которая проявляется одинаково и инвариантно во всех ситуациях, «с железной» или «неумолимой» необходимостью; думать о них как о некоей «предвечной сущности» или полагать, что «существуют вечные сами по себе, по своему внутреннему значению, ненарушаемые и неизменные законы общественной жизни, которые одни лишь определяют сохранение и развитие этой жизни» (Франк 1992; см. также примеры подобных взглядов в работе Э. Нагеля [1977: 94–95]).

Все это уходит корнями в период неразвитой науки, которая представляла законы как нечто такое, что скрыто под грудой явлений и до чего необходимо докопаться. Гастон Башляр отмечал по этому поводу, что наука прошлого была устремлена на овладение (в смысле познания) реальностью, трактуемой как внешний объект, как «вещь», скрытая от человеческого взора броней «явлений». К ней, этой глубокой реальности, нужно было прорваться (в той мере, в какой это вообще возможно), раскопать ее под грудой явлений (см.: Башляр 1987: 17–18). Альфред Уайтхед подчеркивал: «Спекулятивная философия во многом исходила из того, что необходимость в универсальности означает, что во Вселенной имеется сущность, не позволяющая какие-либо взаимоотношения вне ее самой, что (в противном случае) было бы нарушением ее рациональности. Спекулятивная философия как раз и разыскивает такую сущность» (Уайтхед 1990: 273). К сожалению, в нашей философии истории нечто подобное ищут и по сию пору. Объективизм и имманентная вера в то, что законы природы и общества «существуют» как-то отдельно и сами по себе, выражаются даже в часто встречаемых формулировках вроде: «Общее представлено законом,

² В отечественной философии даже среди тех, кто выступает с аргументированной критикой идей направления, которое раньше называлось диалектическим и историческим материализмом, такие взгляды на природу законов все еще очень распространены (см., например: Хойц 1999–2000; Жданко 2002–2003). Распространены они и среди западных философов, в том числе и тех, кто критикует детерминистов (см., например: Данто 2002: гл. XI; Мизес 2001).

которому эти явления *подчиняются*» (Кедров 2006: 27). Тогда как гораздо корректнее было бы сказать: «Общее представлено законом, которым эти явления описываются или объясняются». (Анализ и критику в отношении идеи «управляющих законов» применительно к социальной реальности [*social world law-governed*] см., например: Little 1993.)

Конечно, гносеологические причины сложностей в использовании понятия «закон» лежат уже в двусмысленности и многозначности самого этого слова. В частности, исторически сложилась неудачная традиция обозначать одним словом юридические нормы и открываемые наукой важные причинные связи природной и социальной действительности, что порождает (обычно даже подсознательно) тенденцию трактовать последние по аналогии с первыми. Сложности в использовании понятия «закон» характерны не только для социальных, но и для естественных наук. Рудольф Карнап (1971: 277), например, писал: «Может быть, было бы меньше неясности, если бы слово “закон” вообще не употреблялось в физике. Оно продолжает употребляться потому, что не существует никакого общеупотребительного слова для универсальных утверждений, которые ученые употребляют в качестве основы для предсказания и объяснения»³.

Под **научным** законом можно полагать некое утверждение, созданное на основе обобщения множества более или менее сходных случаев, объединенных общими подходами, выводами, логикой, правилами соответствия и интерпретации. Таким образом, в нашем понимании, *научный закон есть особым образом оформленное утверждение о том, что нечто произойдет (или не произойдет) с той или иной степенью полноты при строго оговоренных условиях.*

Стоит подчеркнуть, что речь идет не о том, что нечто произойдет неизбежно, то есть вопреки всему, а что оно произойдет неизбежно только в одном смысле, а именно: только если, лишь настолько, только там и только тогда, насколько, где и когда совпадут все необходимые для его совершения условия. Между тем

³ Альфред Уайтхед (1990: 508) отмечал, что «сейчас можно вычлениить четыре основные концепции Законов Природы: доктрина, согласно которой Закон есть нечто имманентное самим объектам; доктрина, по которой Закон навязывается объектам; концепция, утверждающая, что Закон есть наблюдаемый порядок явлений, иначе говоря, Закон как простое описание; наконец, более позднее представление о Законе как об условном (то есть конвенциональном. – *Авт.*) истолковании».

если для одних случаев совпадение таких условий происходит регулярно и часто, то для других – весьма редко, причем сложно предсказать, когда это случится; для третьих же – такое совпадение условий оказывается редчайшим, порой совершенно уникальным и исключительным случаем. Естественно, что и сам характер законов и предсказательная сила знания о них будут различаться колоссально, принципиально. Иными словами, чем труднее определить необходимые условия для того, чтобы появился результат, указанный в научном законе, и чем реже совпадают такие условия, тем слабее предсказательная сила таких утверждений. Это уточнение помогает понять разницу в применении законов для анализа в отношении:

а) обычных явлений и процессов; б) принципиально новых (ароморфозных) эволюционных явлений и процессов. Если первые происходят часто, и поэтому такое совпадение условий можно предсказать и рассчитать, то для ароморфозных трансформаций, открывающих новый виток развития, такое совпадение в каком-либо месте и времени всегда есть ситуация уникальная и крайне редкая, и поэтому практически непредсказуемая.

Это очень важно для понимания рассматриваемой темы, поскольку если и можно говорить о качественных эволюционных рывках (ароморфозах) как о законах, то непременно оговаривая, что такие законы качественного развития по типу принципиально отличаются от обычных классических законов. Классическими законами мы будем называть такие научные законы, которые описывают регулярно повторяющиеся процессы, результаты которых не ведут к важным (то есть неизвестным ранее) качественным изменениям (см. подробнее: Гринин 1997а)⁴. Хорошим примером таких законов в истории могут быть закономерности, описывающие социально-демографические циклы в аграрных обществах, достаточно подробно изученные в научной литературе (см., например: Usher 1989; Goldstone 1991; Chu and Lee 1994; Малков 2002; 2003; 2004: 118–139; Малков, С., Ковалев, Малков, А. 2000; Малков и др. 2002; Малков, С., Малков, А. 2000; Малков, Сергеев 2002; 2004а; 2004б; Малков, Селунская, Сергеев 2005; Нефедов 2002а; 2002б;

⁴ Таковыми классическими законами является большинство физических законов, включая закон всемирного тяготения. Эти различия между повторяющимися и уникальными явлениями хорошо подмечены синергетикой. Как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, «при переходе от равновесных условий к сильно неравновесным мы переходим от повторяющегося и общего к уникальному и специфическому» (Пригожин, Стенгерс 2000: 21).

2005; Komlos and Nefedov 2002; Turchin 2003; 2005a; 2005b; Nefedov 2004; Turchin and Korotayev 2006; Нефедов, Турчин 2007; Турчин 2007; Коротаев, Комарова, Халтурина 2007 и т. д.).

В ходе таких циклов численность населения сначала неуклонно (хотя и все замедляющимися темпами) возрастает, пока экологическая ниша не заполняется, и этот рост не начинает превышать возможности производства обеспечить население необходимыми жизненными ресурсами. В результате начинаются кризисные явления, связанные с перенаселением (как с общим перенаселением, так и с перепроизводством элиты), что в конце концов заканчивается социально-демографическим коллапсом. Последний приводит соотношение численности населения (а также численности элиты) и ресурсов к такой пропорции, что экологическая ниша оказывается вновь незаполненной. Затем социально-демографический цикл начинается снова. Но в обычном своем протекании он сам по себе не несет каких-то последствий, которые бы радикально изменили условия функционирования общественного организма. Еще более нагляден в этом плане (и потому в известной мере тривиален) пример регулярного годового хозяйственного цикла, который организует жизнь любого общества, и этот цикл может повторяться из года в год без больших потрясений и значимых качественных изменений. Именно такого рода закономерные явления легко предсказывать (например, сокращение производства молока в скотоводческих хозяйствах пояса умеренного климата в зимние месяцы).

В рамках годовых и более коротких периодов мы имеем дело с функциональным развитием, то есть (в отличие от эволюционного развития) идущим в соответствии с достаточно четким социокультурным алгоритмом, зафиксированным как в нейронных сетях индивидов, так и на внешних носителях разной природы (последнее обеспечивает устойчивость воспроизводства системы, если участвующие в ее воспроизводстве индивиды забудут какие-то важные участки данного алгоритма).

Это относится и к современной динамичной жизни. Вспомним, что между 5 и 11 часами утра любой современный город претерпевает колоссальные изменения – население, рассредоточенное по «спальным районам», где занималось вполне однородной деятельностью, характеризующееся крайне слабой интенсивностью связей между его элементами (индивидами), за один-два часа радикально перегруппировывается, перемещаясь в крайне разнородные центры

производства товаров и услуг, которые начинают функционировать, устанавливая между собой (и внутри себя) самые интенсивные связи. Однако в результате описанного выше процесса город в 11 часов утра во вторник окажется, как правило, во всех основных своих характеристиках практически идентичным тому, каким он был в 11 часов утра в понедельник⁵.

Иное дело – эволюционно эпохальные события. Они случаются так редко, что мы обычно не знаем даже главных условий, необходимых для их совершения. Но если мы даже будем точно знать, при каких именно условиях зародилась жизнь на Земле или появился человек разумный, это не значит, что данные события повторятся. Слишком исключительные условия требуются для этого. С другой стороны, это не значит, что данные события были только случайными. Нет, в особом смысле их вполне можно считать закономерными, но для этого целесообразно относить их к тому разряду редких качественных эволюционных рывков, которые совершаются только при совпадении уникальных условий. Таким образом, необходимо более определенно разобраться, что продуктивно понимать под законом (см. подробнее о типах законов: Гринин 1997а)⁶.

Прежде всего, нам кажется, что корректнее говорить только о *научных законах*, объясняющих явления общества и природы, как и делают многие философы (см., например: Маркович 1993: 9–17). Проблема же с определением того, что называют **объективными законами общества (и природы)**, в том, что здесь невозможно уйти от дуализма объективной реальности и человеческого познания. Иными словами, формулировки (а значит, во многом и смысл, и,

⁵ А в 11 часов утра в данное воскресенье – тому, что наблюдалось в 11 часов утра в предыдущее воскресенье, в последнем случае мы уже, кстати, имеем дело с не столь уж естественно обусловленным недельным циклом.

⁶ Разделение законов на «управляющие» (*law-governed*) и «феноменальные» (*phenomenal*), то есть проявляющиеся в виде регулярно повторяющихся и значительно сходных явлений и событий, делает Дэниэл Литтл. Он считает, что феноменальные законы зависят от особенностей поведения индивидов в рамках специфического социального порядка. Можно наблюдать, как они проявляются в определенных явлениях, но нельзя считать, что они управляют событиями. И даже в сравнении с типичными феноменальными регулярностями в природе они действуют значительно слабее (Little 1993). Это различие, однако, в нашем понимании, есть уже деление на подтипы законов внутри одного большого типа, поскольку и управляющие, и феноменальные законы относятся к повторяющимся, то есть, в нашей терминологии, к классическим (см. подробнее: Гринин 1997а). А эволюционно эпохальные события относятся к законам появления нового или, можно сказать, к законам появления ароморфозов. Разделение на классические законы и законы появления ароморфозов мы считаем важнейшим для понимания хода эволюции и в особенности макроэволюции.

если угодно, суть) законов не могут быть полностью объективны-ми, поскольку любая формулировка человеческого ума «обусловлена историческими обстоятельствами, а субъективно – телесным и духовным состоянием своего создателя» (Маркович 1993: 9). Парадокс заключается в том, что чем сильнее мы пытаемся отказаться от этого сопоставления в пользу объективности, тем сильнее впадаем в идеализм. Поэтому В. И. Власюк (1993) имел веские основания дать своей монографии название «*Идеализм современного материализма*».

Да, говорить о законах как о некоей объективной реальности можно. Но только в том плане, что определенные объекты и явления в мире и обществе находятся в таком более или менее сложном взаимодействии друг с другом и с собственной структурой, что познающий субъект способен заметить в этом взаимодействии некий «порядок», обнаружить у объектов определенные общие свойства, причинно-следственные связи и т. п.

П. Бергер и Т. Лукман удачно сформулировали отношение к объективности мира для подобных философских ситуаций: «Для наших целей достаточно определить “реальность” как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания (мы не можем “от них отделаться”), а “знание” можно определить как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками» (Бергер, Лукман 1995: 9).

Однако в целом объективный мир, как он существует, во многом являет противоположность тому содержанию, которое вкладывается в понятие законов. Ведь, с одной стороны, в мире все дискретно (то есть в нем нет неких всеобщих законов, а есть только отдельные объекты и явления), а, с другой стороны, мир есть нечто неразрывное и безграничное, тогда как в понятии закона сепарируется, очищается, отделяется от остальных определенная связь (то есть налицо чистая абстракция, никогда не имеющая места в реальности). Поэтому в определенном плане вполне оправданно мнение, согласно которому объективных законов, то есть законов в онтологическом смысле и тем более существующих отдельно от явлений, в природе нет. Они существуют только «субъективно-реально и отражают не законы природы и общества, а объективные связи явлений действительности. Законами природы и общества могут быть только законы-знания. Исчезнет человек, носитель законов, – вместе с ним исчезнут

и законы, останутся лишь объекты материального мира, определенным образом взаимодействующие друг с другом» (Власюк 1993: 97, 99).

Книга Анри Пуанкаре «Последние мысли» открывается очень показательным экскурсом, хорошо иллюстрирующим невозможность выбраться из логических противоречий при исходной посылке, что законы природы имеют онтологический характер (то есть реально, независимо, объективно существуют). Пуанкаре упоминает, что философ Бутру задает такой вопрос: не подвержены ли изменениям законы природы? Возможно ли, чтобы весь мир непрерывно эволюционировал, а сами законы, то есть правила, по которым эта эволюция совершается, одни оставались неизменными? (На наш взгляд, вопрос весьма коварный, напоминающий тот, который задавали гимназисты преподавателю Закона Божьего: «Если Бог всемогущ, может ли он создать такой камень, который и сам бы не мог поднять?») И далее сам Пуанкаре с тонкой иронией замечает: «Ученые, конечно, никогда не согласятся с тем, что законы могут быть подвержены изменению; в том смысле, в каком они понимали бы эту идею, они не могли бы признать ее, не отрицая законности и даже возможности науки. Но философ может с полным правом поставить такой вопрос, рассмотреть различные решения, им допускаемые, и заключения, к которым они приводят...» (Пуанкаре 1990: 525). Альфред Уайтхед недвусмысленно писал по этому поводу, что «должно быть отброшено представление о вселенной как о том, что развивается по одним и тем же вечным законам, определяющим собой поведение любого объекта» (Уайтхед 1990: 510).

Таким образом, налицо дуализм, заключающийся в том, что реальность объективна, а познание и формулировки законов в той или иной степени всегда субъективны (есть плод познания). Исходя из сказанного, нам кажется, что **законом природы и общества вполне можно считать условно выделенные в процессе анализа часть, сторону, аспект и т. п. целостной реальности, у объектов и явлений которой в данных границах мы обнаруживаем определенные общие свойства, причинно-следственные связи и т. п.** При этом важно иметь в виду, что любой научный закон – это **условно выделенные в процессе анализа часть, сторона, аспект и т. п. целостной реальности.** Но, разумеется, не всякие условно выделенные в процессе анализа часть, сторону, аспект и т. п. целостной реальности можно считать научными законами.

При таком подходе, то есть допущении, что закон есть именно **условно выделенная часть реальности**, многие гносеологические и теоретические трудности снимаются. Так, если сама реальность независима от сознания, то выделение некоего ее сектора или участка всегда более или менее условно, а следовательно больше или меньше зависит от познающего субъекта, уровня знаний, интереса, научной задачи и т. п. Налицо также возможность выделить (опять-таки условно) множество уровней и аспектов, охватываемых разными законами, но в которые включены те же самые объекты и явления⁷. Заметим также, что эта условность деления неделимого ведет к неизбежным натяжкам, спорным и пограничным случаям. Рано или поздно неточности и неверности в определении «зоны действия» закона становятся очевидными. Собственно, критика общественных законов чаще всего и происходит с позиции неправомерности их «притязаний» на «чужую территорию», несоответствия между реальным и декларируемым «полем применения». Сказанное (плюс то, что каждый исследователь может по-своему видеть границы и аспекты анализируемого материала) достаточно хорошо объясняет, почему возможны альтернативные варианты формулирования законов, особенно в общественных науках, а также почему «нельзя ожидать точного совпадения природы с каким-либо законом» (Уайтхед 1990: 509). «Судьба ньютоновской физики напоминает нам о том, что главные научные принципы развиваются и что их исходные формы могут сохраняться только благодаря интерпретациям значения и ограничениям поля их применения – тем интерпретациям и ограничениям, которые оставались незамеченными в первый период успешного применения научных принципов» (Уайтхед 1990: 282).

2. Социальная эволюция: анализ подходов, аспектов значения и характеристик

2.1. Однолинейные, двухлинейные, многолинейные и нелинейные теории социальной эволюции

Социальная эволюция – категория, вокруг определения которой идут бесконечные споры. Дело в том, что «эволюция» (как и «про-

⁷ «...Если предположить, что природная среда – это совокупность определенных объектов, характер которых может быть понят нами только частично, то из этого следует, что нам известны только некоторые законы, действующие в этой среде» (Уайтхед 1990: 510).

гресс», «развитие», «изменение» и т. п.) относится к числу терминов, которые объединяют в себе слишком широкое содержание. В данном разделе мы хотели бы остановиться на некоторых наиболее важных подходах к ее анализу.

Рассмотрение эволюции как однолинейного процесса, что все еще имеет место (по крайней мере, применительно к социокультурной эволюции), сильно упрощает и в конечном счете принципиально искажает эволюционный процесс. Результат конкуренции, отбора, поиска наиболее удачных эволюционных форм и моделей, то есть результат очень длительных и сложных процессов, представляется как бы изначально заданным. Явно или неявно предполагается, что старые формы всегда и везде сменяются строго определенными (то есть описанными теорией) формами. Так, например, безвождеские первобытные коллективы должны смениться вождествами, а вождества, в свою очередь, ранним государством. А на деле очень часто могло происходить по-другому (см., например: Крадин и др. 2000; Гринин 2007, кн. 1).

В таких подходах имеются две принципиальные методологические ошибки. Первая заключается в том, что модели эволюционно проходных форм, которые предполагались обязательными для всех обществ, теоретически конструировались на основе изучения обществ, застывших на каком-то этапе. Исследователям, которые их изучали, казалось, что раз все общества проходят одни и те же фазы развития, значит, такое отставшее общество демонстрирует обязательную в прошлом для всех современных обществ стадию. Причем не принималось в расчет, что, поскольку изучаемые общества давно застыли на каком-то этапе, они довели некоторые свои черты и институты, условно говоря, до сверхразвития. Таким образом, подобные случайные примеры часто неправомерно выдавались и выдаются за обязательную модель развития тех или иных институтов на определенной стадии эволюции, а их фактически перзрелым состояниям в теоретических схемах придается сильно преувеличенное значение⁸. Между тем для ароморфоза, то есть эволюци-

⁸ Так, в этнологии нередко стараются во всех позднепервобытных обществах отыскать институционально оформленную, ярко выраженную и ритуализованную авторитарную власть вождя или высокую степень его сакрализации, что на самом деле характерно лишь для более сложных обществ и более поздних моделей развития. Это аналогично попыткам перенести черты развитых монархий и сословного устройства европейских государств XVIII в.

онного перехода к качественно новому уровню сложности, как мы увидим далее, всякое сверхразвитие является, как правило, практически непреодолимым препятствием. При прочих равных условиях эволюционировать гораздо легче более гибким и менее специализированным формам. В отношении биологической эволюции подобная идея была выдвинута и сформулирована в виде закономерности еще в конце XIX в. Э. Копом. Она известна как правило происхождения от неспециализированных предков, которое заключается в том, что обычно новые крупные группы берут начало не от наиболее специализированных представителей предковых групп, а от сравнительно неспециализированных (см. подробнее об этом правиле: Марков, Наймарк 1998).

Вторая ошибка связана с недоучетом того, что в начальных фазах процесса формирования ароморфоза появляется не один, а много вариантов новых эволюционных форм. Однако все они не похожи на те, что предполагаются обязательными «по теории». Дело в том, что модели, которые впоследствии побеждают в эволюционном отборе, чаще всего являются не самыми первыми, а уже намного более поздними, фактически вторичными, а то и третичными вариациями. Иными словами, они выступают уже как результат длительного развития и конкуренции первичных форм. Сами же эти первичные формы затем исчезают, часто без явных следов⁹. Эти первичные непрочные варианты порождают целый веер новых форм, среди которых имеются как эволюционно перспек-

на раннее средневековье (впрочем, некоторые теоретики делают именно так). Подобные же неудачные экстраполяции можно наблюдать и в стремлении провести единую линию в развитии форм родства, брака, гендерных или религиозных обычаев и многого другого. Причем очень часто в более развитых обществах явления, в чем-то сходные с первобытностью, были просто новообразованиями, генетически никак не связанными с прежними формами (см. об этом еще ниже). Эти ошибки также были связаны с тем, что однолинейные эволюционисты и детерминисты некоторым признакам приписывали исключительную роль важнейших показателей уровня развития социума, тогда как в реальности социумы, находящиеся на одинаковой ступени развития, могли иметь разные варианты этих признаков (это касается, например, форм родовых групп, в частности матрилинейных и патрилинейных; различных форм собственности: частной и коллективной; форм хозяйства; политических состояний: централизованных и децентрализованных).

⁹ На этот момент указывал, в частности, Тейяр де Шарден (1987). На это обращал внимание и Норберт Винер, одновременно подчеркивая, что мы знаем очень мало о происходящем в критические периоды неустойчивости (Wiener 1953). В биологии иногда эта особенность эволюции формулируется как правило «архаического многообразия» (термин Ю. В. Мамкаева [1968; см. также: Расницын 2002]).

тивные, так и эволюционно «боковые», то есть не имеющие явной перспективы, но способные в определенных нишах сохраняться весьма долго, а нередко и оказывать существенное влияние на социальные системы, развивающиеся по пути, который в дальнейшем оказывается доминирующим (см. сн. 10). К подобным «боковым» вариантам можно отнести, например, родовые и племенные конфедерации (типа ирокезской), сверхсложные клановые системы, а также различные развитые племенные формы некоторых кочевых народов (особенно на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке). Такие политии часто были «боковыми» (альтернативными или аналоговыми) формами относительно сложных вождеств и ранних государств и просуществовали в своих нишах в течение достаточно долгого времени, вполне заменяя государственные структуры, которые в конечном счете все-таки вытесняют их (подробнее см.: Гринин 2007; Grinin 2003; 2004).

Естественно, что некоторые институты у них имелись уже в сверхразвитом виде (в частности, это касается очень четкой системы родовых отношений, своеобразных демократических процедур, специфической структурной иерархии внутри племен и т. п.). Изучение отдельных подобных обществ без учета вышеуказанных особенностей и давало основание некоторым исследователям ошибочно отнести данные сверхразвитые институты к разряду универсальных, которые должны были иметь место в предшествующем развитии остальных. Отсюда появились идеи военной или развитой родовой демократии как обязательной стадии развития всех доклассовых обществ, тогда как магистральным путем (то есть в конечном счете вытеснившим большинство остальных) как раз оказался путь сужения демократии и развития монархических институтов (в виде вождя, в том числе сакрального вождя).¹⁰ Аналогичными, противо-

¹⁰ Но, разумеется, к проблеме определения важности линий развития надо относиться диалектически, поскольку при изучении социальной макроэволюции нельзя ограничиваться только ее так называемой «магистральной» линией. Кроме того, развитие по этой «магистральной» линии невозможно адекватно понять, не учитывая альтернативных вариантов социального развития. Тогда на указанный пример можно взглянуть и под другим углом. Конечно, демократический вариант политогенеза выглядит «тупиковым», так как демократические политические формы при переходе к сверхсложным аграрным обществам оказались практически полностью вытеснены недемократическими политическими формами (хотя, отметим, сложные демократические политические системы все-таки никогда полностью не исчезали ни на одной из фаз эволюции Мир-Системы даже на этапе сверхсложного аграрного общества). Но, с другой стороны, имеются основания предполагать, что и недемократи-

речащими реальной истории являлись и схемы эволюции общин, когда черты уже весьма зрелых крестьянских общин позднего средневековья и Нового времени пытались перенести на общины варварского периода и раннего средневековья (перечень таких примеров собран, в частности, в книге Л. Б. Алаева [2000]; см. также сравнение позднесредневековой германской общины-марки и форм древнегерманских родовых и сельских коллективов в одной из работ А. Я. Гуревича [1999: 37–42]).

Таким образом, реальные предшественники будущих классических моделей исчезают, но зато остаются более поздние эволюционно боковые варианты, которые какое-то время являлись альтернативами первичным ароморфозам. И вот эти боковые формы теоретики нередко трактуют как эволюционно предшествующие указанным классическим прогрессивным моделям. Конечно, теория от этого становится стройной, но зато она совершенно не соответствует реальности. Так, в частности, произошло и в случае, когда формы, аналоговые раннему государству, объявлялись (и объявляются до сих пор) догосударственными¹¹.

ческий путь политического развития при отсутствии демократической альтернативы был бы тупиковым. Действительно, имеются большие сомнения, что монархические развитые государства смогли бы совершить в полном объеме переход к зрелой государственности, если бы в истории Мир-Системы подобная альтернатива отсутствовала. Так, имеются основания полагать, что становление зрелой государственности в полном объеме было бы невозможным без промышленной революции (см., например: Гринин 2007). Вместе с тем совершение этой революции вряд ли было бы возможным без становления современной науки. В свою очередь, становление современной науки было невозможным без той основы, что была заложена в Древней Греции в рамках именно демократических социально-политических систем. Не вызывает сомнения, что классическая древнегреческая социально-политическая система представляла собой очень сильное «отклонение от магистральной линии» социальной макроэволюции, так как она характеризовалась сочетанием аномально низкого уровня развития бюрократических структур и политической централизации с аномально высоким уровнем общей социокультурной сложности, которое и сделало возможным тупиковую культурно-научную революцию. Да, в конечном счете греческая социально-политическая система не выдержала конкуренции с более политически централизованными (но все же менее творчески продуктивными) социально-политическими системами, но до этого она все-таки успела заложить основы современной науки. В этом смысле эволюционно тупиковыми были все направления социокультурной макроэволюции по отдельности, эволюционно прорывное направление же формировалось на мир-системном уровне из взаимодействия обществ, развивавшихся в разных эволюционных направлениях.

¹¹ Например, галльские развитые политии (с населением в сотни тысяч человек каждая) или даже империю Чингисхана рассматривают как догосударственные, тем самым ставя их на один уровень с какими-нибудь крошечными вождествами или небольшими независимыми деревенскими общинами.

Таким образом, однолинейный подход совершенно искажает ход эволюции. Иногда его приверженцы приписывают ранним формам черты более поздних. А иной раз, наоборот, эволюционно равную, но «боковую», альтернативную форму пытаются выдать за линейно предшествующую¹². Отсюда становится крайне сложно сравнивать общества, определять их реальный уровень развития. И поэтому нельзя не признать важности и продуктивности критики устаревших однолинейных схем XIX – первой половины XX в. (см., например: Steward 1972 [1955]; Popper 1964; Поппер 1992). В результате в 40–50-е гг. прошлого века появилось направление, обозначаемое как *неоэволюционизм*, которое опиралось на новейшие достижения культурной антропологии, археологии, социологии и исторической науки (а позже и биологии), при этом большинство представителей этого направления рассматривали эволюцию уже как *много(мульти)линейную*.

Однако проблемы большинства современных, особенно американских, многолинейных эволюционистов в том, что в результате вполне справедливой критики примитивных эволюционных схем прошлого они пришли к неверному выводу о том, что разумнее отказать от поиска генерализующих концепций, объявляя их малоценными и непродуктивными. Поэтому центр их научных интересов смещается от эволюции человеческого общества в целом к процессам, протекающим в отдельных цивилизациях, культурах, сообществах (Штомпка 1996: 152–153). Они полагают, что «то, что теряется в универсальности, будет наверстано в конкретности и специфичности» (Steward 1972 [1955]: 19). Однако отказ от общих конструкций, по сути боязнь их, ведет к эклектичности, методологической слабости и порой даже к «изобретению велосипеда».

Тем не менее, на наш взгляд, грубый однолинейный схематичный взгляд на эволюцию и исторический процесс вреднее, чем указанная эклектичность и недостаточная широта теоретизирования.

Существуют и концепции двухлинейного развития. Особенно активно разрабатывался такой подход применительно к проблеме

¹² Чтобы проиллюстрировать, как такие подходы меняют понимание процесса эволюции, можно вспомнить, что неандертальцев представляли как эволюционный этап на пути к человеку разумному. А теперь склоняются к тому, что неандертальцы (*Homo sapiens neanderthalensis*) и *Homo sapiens sapiens* какое-то время были параллельными видами (или подвидами одного вида). Отсюда наше понимание антропогенеза приобретает совершенно иной характер.

развития европейских и азиатских стран. В советской науке он опирался на Марксову идею так называемого азиатского способа производства, которой посвящено огромное количество литературы (ее наиболее полный [хотя и не всегда непредвзятый] обзор для периода до середины 1970-х гг. можно найти в монографии В. Н. Никифорова «Восток и всемирная история» [1977]; см. также: Качановский 1971; Лынша 1995; Александров 1988; Седов 1987; Крылов 1997: 22–25; Васильев, Стучевский 1966; Gellner 1988: гл. 3). Некоторые авторы, например Л. С. Васильев (в частности: 1993; 1997 и др.) и в меньшей степени Ю. В. Павленко (1989; 1997; 2002), настолько жестко разводили эти условные линии развития, что фактически весь мировой исторический процесс стал рассматриваться под углом противоречий этих линий. Такой подход немногим лучше однолинейного и, по сути, есть его вариация.

Роберт Карнейро, пытаясь разрешить противоречие между концепциями однолинейного и многолинейного эволюционизма, отмечал важность учета параметров и аспектов исследования. Если подчеркивается подобие развивающихся институтов или структур, то социальную эволюцию можно рассматривать как однолинейную. Если выделяются различные пути – то как многолинейную (Carneiro 1973; см. также: Carneiro 2003: 229–238). В чем-то, конечно, он прав: от аспекта и методов исследования, исследовательской задачи зависит очень многое. И все же для большинства научных задач учет многолинейности и альтернативности эволюции будет совершенно обязателен. Ведь вариативность – ее важнейшее, фундаментальное качество. Можно сказать, что эволюция всегда имеет несколько ответов на возникающие проблемы. Не учитывать это ошибочно, что подтверждается, собственно, и примером самого Карнейро, взгляды которого на возникновение государства можно определить как однолинейные¹³.

Примерно так же обстоит дело и с предложенным Маршаллом Салинзом разделением эволюции на «общую», то есть про-

¹³ Например, он пишет, что, когда мы имеем дело с политической эволюцией, мы встречаем, без сомнения, **однолинейность**. Все человеческие общества были когда-то бродячими группами, затем, после перехода к сельскому хозяйству, превратились в большинстве в автономные деревни. Затем деревни развились в вождества, включающие много деревень, а затем некоторое число вождеств превратилось в государство. **Таким образом, общая линия эволюции всех государств была одна:** локальные группы – автономные деревни – вождества – государства (Carneiro 2003: 234).

грессию типов форм, представляющих движение по стадиям универсального прогресса, и «специфическую», то есть историческое развитие конкретных культурных форм (Sahlins 1960: 43). Это, действительно, очень продуктивный подход. Однако он становится таким только при разработке адекватной ему методологии, поскольку требует объемных и тщательно разработанных методик применения, системы новых абстрактных терминов и категорий, а также «правил перехода» от одного уровня исследования к другому. Но эти проблемы, как правило, игнорируются, поскольку законы эволюции предполагаются однотипными и на самом высоком уровне обобщения, и на самом конкретном (а как мы видели выше, это вовсе не так). В результате идея разнообразия у М. Салинза оказывается декларативной, и он фактически склоняется к обоснованию однолинейной схемы универсальных форм и стадий развития. Эта схема подвергалась различной критике (см. подробнее: Коротаев, Крадин, Лынша 2000: 49–50). Подход М. Салинза в чем-то напоминает попытку в нашей философии разделить социологические и исторические законы, которую предпринимали М. А. Барг, Е. Б. Черняк, Е. М. Жуков и ряд других ученых (см., например: Жуков и др. 1979; см. также: Кедров 2006: 27), когда декларировалось историческое разнообразие развития в рамках общих законов, но при анализе все сводилось к одной устаревшей схеме (подробнее см.: Гринин 1997а: 83–84).

Между тем, как будет показано далее, появление ароморфно перспективного решения (нового, получающего универсальное распространение ценного качества или перспективной модели) реализуется не всегда и не везде, а только в местах наиболее удачного сочетания нужных условий. То есть на первых порах достаточно редко. И только в результате многократного доказательства эволюционных преимуществ этих качеств и моделей они становятся более распространенными. Таким образом, методологические трудности возникают из-за недоучета того, что магистральный путь ароморфной макроэволюции нащупывается не сразу, что он: а) собственно, рождается в длительной конкуренции с немагистральными путями и б) долго приспособливается к различным условиям, чтобы стать магистральным, получив универсальное распространение (или, по крайней мере, распространившись в основных зонах Мир-Системы). Иначе, например, по какой при-

чине так трудно рождались государства в разных регионах на протяжении четырех с лишним тысячелетий, если бы магистральный путь эволюции был сразу нащупан и проложен?

Одним из авторов статьи разработаны более адекватные нелинейные модели эволюционного развития, в которых оно представлено не как группа линий, а как своего рода поле. «В реальности речь может идти не о линии и даже не о плоскости или трехмерном пространстве, но лишь о многомерном пространстве-поле социальной эволюции» (Коротаев и др. 2000: 31 и далее, особенно с. 74–75). Но, разумеется, с учетом неизмеримой сложности эволюции, которую невозможно вместить ни в какие теории, мы прекрасно осознаем, что линии, трехмерное пространство, поле и т. п. – это не более чем элементы моделей, по определению упрощающих реальность, которым нельзя придавать самодовлеющего значения. В конечном счете эволюция – это собирательная научная категория, которая объединяет в нашем представлении массу самых разных изменений и процессов, поэтому для ее объяснения можно привлекать разные приемы, самое главное – не начать рассматривать их как онтологические, сами по себе существующие.

С другой стороны, как мы уже отмечали ранее (Коротаев и др. 2000), представляется вполне возможным говорить о линии/траектории эволюции (или линии развития) отдельного общества, отдельной социальной системы, что особенно существенно для нас в контексте этой статьи: ведь данное обстоятельство предполагает возможность говорить и о направлении/траектории макроэволюции (или линии развития) Мир-Системы.

2.2. Социальная эволюция, эволюционное и неэволюционное развитие

Не вдаваясь более в анализ различных взглядов на социальную эволюцию, напомним, что нам кажется в целом продуктивным предложение Х. Й. М. Классена рассматривать *эволюцию* как «процесс структурной реорганизации во времени, в результате которой возникает форма или структура, качественно отличающаяся от предшествующей¹⁴ формы» (Классен 2000: 7). Хотя само это опре-

¹⁴ Отметим, что в оригинале (Voget 1975: 862; Claessen 2000: 2) здесь стоит *ancestral*, что все-таки правильнее перевести как «предковый», а не «предшествующий». Это достаточно существенно, ибо, как мы уже упоминали, форма города в 11 часов утра радикально

деление принадлежит Ф. В. Воже (Voget 1975: 862), однако именно Классен наиболее последовательно отстаивает это определение в рамках социокультурной антропологии (Claessen and van de Velde 1982: 11 ff.; 1985: 6 ff.; 1987: 1; Claessen 1989: 234; 2000; Claessen and Oosten 1996 и т. д.); см. также, например, работы Р. Коллинза и С. К. Сандерсона (Collins 1988: 12–13; Sanderson 2007). Мы также полностью согласны с Классеном, когда он утверждает: «Тогда эволюционизм превращается в научную теорию, ориентирующую на поиск закономерностей в структурных изменениях подобного рода» (Классен 2000: 7)¹⁵.

Конечно же, подобное понимание эволюции принципиально отличается от понимания эволюции Гербертом Спенсером, который и ввел это понятие в научный дискурс. Хотя спенсеровское определение эволюции как «изменение от несвязной однородности к связной разнородности»¹⁶ (Spencer 1972 [1862]: 71) сохранило концептуальную и даже эстетическую привлекательность вплоть до настоящего времени, классеновское понимание эволюции существенно лучше и полнее отражает сложность эволюции в современном ее понимании (в особенности в биологической науке). Спенсеровское определение трактует эволюцию в основном как двуединый процесс дифференциации и интеграции, что сильно суживает спектр эволюционных изменений, поскольку процесс, описанный Спенсером, – далеко не единственный эволюционный процесс. Иными словами, в рамках классеновского понимания эволюции спенсеровская эволюция будет лишь одним а) из возможных типов эволюционных процессов, который существует наряду с б) эволюцией от сложных к простым структурам и системам и в) структурными сдвигами на одном и том же уровне сложности¹⁷.

меняется относительно формы, предшествовавшей ей в 5 часов утра; однако этот процесс не является эволюционным, а о последнем можно говорить только тогда, когда новая форма или структура отличается не просто от предшествовавшей, а от всех предшествовавших форм или структур.

¹⁵ В оригинале: «*Evolutionism then becomes the scientific activity of finding nomothetic explanations for the occurrence of such structural changes*» [Claessen 2000: 2], что лучше было бы, наверное, перевести так: «Эволюционизм таким образом становится научной деятельностью по поиску номотетических объяснений для подобных структурных изменений».

¹⁶ «*A change from an incoherent homogeneity to a coherent heterogeneity*».

¹⁷ Вспомним, что такое различие приблизительно соответствует основным направлениям биологической эволюции по Северцову (1939; 1967). А именно: [а] *ароморфозу* (\approx *anagenesis* в том смысле, который в это понятие изначально вкладывал Ренш [Rensch

Тем не менее процесс, описанный Спенсером, заслуживает особого внимания уже потому, что под его определение подпадает одна из важнейших разновидностей эволюционных процессов. Однако отнюдь не всякое движение от несвязной однородности к связанной разнородности тождественно эволюции, поскольку такое движение, как мы увидим ниже, не всегда связано с качественными эволюционными изменениями. Эволюция же и в нашем понимании, и в вышеприведенном определении Классена и Воже есть процесс **качественных** изменений. И если рассматривать процесс, описанный Спенсером, только в аспекте качественных трансформаций, тогда он, нам кажется, представляет собой не что иное, как *развитие, точнее особый вид развития*. Ведь, как известно, в биологии достаточно четко различаются процессы развития отдельного организма в течение его жизненного цикла – *онтогенез* и развития биологического вида – *филогенез*. Но при этом эволюционным является только филогенетическое развитие. Также важно подчеркнуть, что в биологии онтогенетическое развитие и эволюция рассматриваются как совершенно разные процессы. Биологическое онтогенетическое развитие ни в коей степени не является частным случаем эволюции.

В отличие от этого в социальной эволюции развитие в основном связывается с эволюционным развитием или социальным прогрессом. В общественной жизни найти полный аналог биологической дихотомии филогенетического и онтогенетического развития оказывается невозможным, хотя о неполных аналогах и можно говорить. Тем не менее и в жизни общества существуют разные типы развития (в частности, не только движение как бы по восходящей линии, но и развитие в виде повторяющихся фаз определенного циклического процесса, без явной качественной трансформации от цикла к циклу).

Поэтому для обозначения процессов развития в социальной динамике мы предлагаем использовать два термина, описывающих два принципиально разных типа социального развития: **эволюционное и неэволюционное развитие**. Соответственно ниже «спенсеровский» тип эволюции обозначается как **эволюционное** развитие, выступающее применительно к социальным системам в какой-

1959: 281–308; см. также: Dobzhansky *et al.* 1977; Futuyma 1986: 286)]; [б] *дегенерации*; и [в] *идиоадаптации* (\approx *cladogenesis* [Rensch 1959: 97 ff.; см. также: Dobzhansky *et al.* 1977; Futuyma 1986: 286]).

то мере как аналог филогенетического развития в биологии. А тип **неэволюционного** социального «развития» представляет некоторый (хотя в любом случае и неполный) аналог биологическому онтогенетическому развитию в рамках описанной выше дихотомии.

В частности, определенные фазы циклов функционирования/воспроизводства социальных систем (включающие и составляющие развития) в обществах на определенных временных отрезках можно, видимо, рассматривать как в значительной степени запрограммированные существующими в них системами культурных кодов, ценностей и структурами власти. Такое «развитие» следует рассматривать именно как *неэволюционное*, поскольку под эволюционными сдвигами в этом случае нужно было бы понимать уже изменения «программирующих» систем и структур, оказывающих свое воздействие на ход и направление функционального, неэволюционного развития соответствующих обществ.

Достаточно наглядно различие между неэволюционным общественным развитием и эволюционными сдвигами видно при рассмотрении социальной динамики конкретных обществ в ходе последовательных социально-демографических циклов. Например, в период восстановительного роста, следовавшего вслед за политико-демографическим коллапсом западноханьской социалополитической системы, произошедшим в 10-е гг. I в. н. э. (уже после узурпации власти Ван Маном), наблюдалось самое интенсивное восстановительное развитие, по мере того как новая ханьская система воссоздавалась из хаоса 10–20-х гг. (Lee Mabel Ping-hua 1921: 178–179; Бокщанин, Лин Кюньи 1980: 30; Крюков и др. 1983: 32; Малявин 1983: 30; Bielenstein 1986; Loewe 1986: 292–297; Нефедов 2002а: 140)¹⁸. В ходе этого процесса возникали подсистемы (в частности, сбора налогов, создания резервных запасов, регистрации населения и т. п.), между которыми устанавливались все более прочные и эффективные связи. Таким образом, налицо, несомненно, был двуединый процесс дифференциации и интеграции, движение от хаоса к высокоорганизованной империи, то есть именно развитие.

¹⁸ Западноханьская империя существовала в период конца III в. до н. э. – начала I в. н. э. Иначе еще она называется раннеханьской (иногда Старшей или Ранней Хань) в отличие от позднеханьской или восточноханьской империи (или Младшей Хань), существовавшей в 25–220 гг. н. э.

Однако можно ли рассматривать этот восстановительный процесс как *эволюционное* развитие? На наш взгляд, нельзя. Действительно, в результате данного восстановительного процесса появилось нечто, исключительно похожее на предшествующую западноханьскую империю. В данном случае мы имеем дело с процессом, действительно очень сходным с процессом биологического онтогенетического развития (напомним, полностью отличного от биологической эволюции). Ведь развитие здесь направлялось именно своего рода культурным генотипом, то есть система развивалась в соответствии с представлениями китайской элиты (частично зафиксированными и в письменных текстах) о том, как должна быть правильно устроена централизованная империя, к восстановлению которой эта элита (насколько можно судить, при поддержке большинства рядового населения [Bielenstein 1986]) стремилась. В результате на выходе (в конце периода восстановительного развития) сформировалось нечто, удивительно похожее на предшествовавшую восточнотаньской (конец III в. до н. э. – начало I в. н. э.) социально-политическую систему (но, естественно, не идентичную ей).

Это, конечно, не значит, что никакого эволюционного развития традиционная социально-политическая система Китая (и других сверхсложных аграрных обществ с характерными для них «вековыми» социально-демографическими циклами) вообще не испытывала. Напротив, ряд важных эволюционных сдвигов (в большинстве случаев, впрочем, достаточно частных) здесь, конечно, можно проследить. Такое органическое сочетание неэволюционного и эволюционного развития дает возможность предварительно показать некоторые важные различия между социальной и биологической эволюцией, касающиеся процессов биологического и социального воспроизводства (полную систему таких различий мы проанализируем ниже).

При появлении нового биологического организма изменение генотипа (в результате мутации) происходит только в незначительном меньшинстве случаев, хотя и практически всегда имеет место, поскольку репликация целого генома абсолютно без ошибок тоже почти невероятна. Однако их роль для эволюционного развития, как правило, несущественна за исключением действительно очень редких случаев (впрочем, исключительно важных как раз в эволюционном плане, ибо мутации являются необходимым условием биологической эволюции). При переходе же от одного социально-демографического цикла к другому те или иные значимые (но при

этом совсем не обязательно ароморфные) изменения «социокультурного генотипа» происходят всегда¹⁹. Происходят они уже потому, что межпоколенная передача сколько-нибудь значительных объемов социокультурной информации абсолютно без всяких изменений в принципе невозможна. Также неизбежно и неосознанное искажение передаваемой культурно значимой информации (что в известной мере можно трактовать едва ли не как полный аналог биологических мутаций)²⁰. И уже одно это само по себе может приводить к определенным социоэволюционным сдвигам (Коротавев 1997). Однако значительно более важно для нас здесь сознательное изменение этой информации ее носителями. Хотя многие до сих пор убеждены, что «история никого никогда ничему не учит», уже элиты сложных аграрных обществ достаточно часто пытались учитывать ошибки своих предшественников и модифицировать «социокультурный» генотип, чтобы их избежать. Вспомним, например, о вполне осознанном изменении основателями сунской династии в Китае (960–1279 гг.) положения военной элиты с целью заблокировать возможность «военных переворотов», подрывавших стабильность политической системы их предшественников (Wright 2001).

Другим, едва ли даже не более важным отличием является то, что в процессе биологической эволюции благоприобретенные признаки не наследуются, тогда как в процессе социальной эволюции они могут закрепляться²¹.

Если вы обучите свою собаку самым разнообразным командам, ни один из этих навыков ее потомству ни в какой степени не пере-

¹⁹ Мы считаем, что степень таких «искажений» в социальной жизни существенно выше. И еще более важно, что их роль в социальной макроэволюции возрастает наряду с сознательными изменениями. В то же время в биологической макроэволюции дело, кажется, обстоит наоборот. Если, например, у вирусов и некоторых бактерий мутационная изменчивость просто постоянно необходима для выживания, то у высших животных для выживания она требуется в весьма ограниченном масштабе. Поэтому мы полагаем, что хотя сравнивать человеческие общества и колонии бактерий вполне возможно, однако не в случаях, когда рассматривается динамика и направленность макроэволюции.

²⁰ К близким результатам приходит Р. Докинз в своей концепции «эволюции мемов» (Докинз 1993).

²¹ Поскольку, как отмечают эволюционисты, одно из отличий социальной эволюции от биологической заключается в отсутствии в первой ясного эквивалента различий генотипа – фенотипа (анализ этого положения см.: Mesoudi *et al.* 2006: 344–345), то вполне очевидно, что выше используемые нами выражения «социокультурный генотип» и «социокультурный фенотип» – это в значительной степени метафора или аналогия, вполне полезная, но не претендующая на статус теории. И к этим выражениям, естественно, не следует подходить слишком строго.

дастся. Если аграрное общество освоит в ходе данного социально-демографического цикла новые эффективные технологии или разовьет показавшие свою высокую эффективность политические, социальные и т. п. институты, то эти технологии/институты будут с очень высокой вероятностью воспроизводиться и новыми поколениями в последующих социально-демографических циклах. Поэтому социозэволюционные сдвиги накапливаются намного быстрее, чем биологически полезные изменения фенотипа, обусловленные мутационным процессом. Вот почему каждый цикл не похож на другой, и вот почему после завершения периода восстановительного роста дальнейшее социальное развитие (в ходе которого возникают формы и структуры, отличные от всех предшествовавших форм и структур) уже должно рассматриваться именно как эволюционное развитие.

Может показаться, что дихотомия социальной эволюции и неэволюционного (функционального) развития утрачивает свое значение для современных (индустриальных и постиндустриальных) обществ, основанных на индустриальном и научно-информационном принципах производства (Гринин 2003а; 2007), так как в них процессы социального развития оказываются составляющей (и при этом важнейшей составляющей) общего процесса социальной эволюции. Дело в том, что в них «встроена» потребность в постоянных изменениях и инновациях, отсутствие которых воспринимается как нарушение нормального цикла воспроизводства социальных систем. Поэтому развитие приобретает все более осознанный характер, становясь частью макроэволюционных изменений. При этом «вековые» социально-демографические циклы исчезают в связи со спасением населения из «мальтузианской ловушки» (см., например: Кортаев, Комарова, Халтурина 2007; Artzrouni and Komlos 1985). Вместе с тем не надо забывать про свойственные современным обществам более короткие многолетние циклы²², на

²² Циклы Китчина (продолжительностью 3–4 года), циклы Жюглара (7–11 лет), циклы Кузнеца (15–25 лет) и Бронсона (~30 лет) (см., например: Пантин 1996; Allen 1968; Solomou 1990; Ball 2004). Особого упоминания здесь заслуживают, конечно же, так называемые «кондратьевские циклы», продолжительностью порядка 45–60 лет (Кондратьев 1928; 1989; 2002: 341–400; Бабинцев, Блинков 1991; Казанцев, Тесля 1991; Умов, Лапкии 1992; Глазьев 1993; Маевский 1994; Абрамов 2001: 79–85; Ерохина 2001; Костюк 2002; Румянцева 2003; Mandel 1980; Mager 1987; Goldstein 1988; Solomou 1990; Barnett 1998 и т. д.), которые рядом исследователей прослеживаются на мир-системном уровне не только в период после про-

начальных фазах которых имеются составляющие развития, в некоторых существенных чертах повторяющие составляющие развития начальных фаз предшествующих циклов.

Кроме того, в современных обществах никуда не исчезают и естественно обусловленные циклы (прежде всего годовые и суточные). Современный тип производства – это, как правило, расширенное воспроизводство, причем всегда с теми или иными инновациями. Однако обычно годовой цикл все же не несет в себе радикальных (и тем более ароморфных) эволюционных изменений. Поэтому такое несомненное развитие все же в рамках короткого периода можно рассматривать как немакроэволюционное, но уже в более длительных временных границах (иногда даже порядка 5–10 лет) именно как макроэволюционное.

3. Различия между социальной и биологической эволюцией

Совершенно естественно, что подобно тому, как биологический организм, имея определенное сходство с социальным, очень сильно отличается от него, и социальная эволюция, обнаруживая существенное сходство с биологической, имеет и большие отличия от нее. Поэтому мы считаем важным сформулировать различия между двумя видами эволюции. Это тем более необходимо, что хотя в литературе данному вопросу уделено не такое уж малое внимание, однако нередко такие параллели искажены концептуальными крайностями, в частности попытками навязать социальной эволюции методологию дарвиновской теории. Это, например, характерно для интересной и дискуссионной статьи Алекса Месуди, Андре Уитена и Кевина Лаланда «Навстречу единой науке культурной эволюции» (Mesoudi, Whiten and Laland 2006). Важность указанных различий (в том числе таких фундаментальных, как отсутствие в социальной эволюции ясного различия между генотипом и фенотипом) в их работе затемняется утверждением, что эти различия или иллюзорны, или неважны (Ibid.: 345). Такой подход также снижает и ценность предлагаемых ими достаточно интересных методик. Но и в их статье перечень различий, на наш взгляд, неполон. То же касается и

мысленной революции, но и в течение многих веков, ей предшествовавших (см., например: Пантин 1996; Devezas and Modelski 2003).

других работ. Например, если в обстоятельной монографии К. Р. Холлпайка «Принципы социальной эволюции» (Hallpike 1986) черты сходства и различия социальных и биологических организмов проанализированы достаточно полно, то особенности социальной эволюции по сравнению с биологической не сформулированы сколько-нибудь четко и системно.

К. Р. Холлпайк (Hallpike 1986: 33–34) выделяет следующие **черты сходства между обществом и организмом:**

1. Институты общества взаимосвязаны аналогично тому, как связаны между собой органы тела. Институты сохраняются длительное время, несмотря на смену их индивидуальных членов, подобно тому, как отдельные клетки обновляются в сохраняющихся органах.

2. Существует специализация в функциях органов, аналогичная социальному разделению труда.

3. В обоих случаях налицо самовоспроизводящиеся процессы, которые определяются системами обратных связей.

4. В обоих случаях есть приспособление к окружающей среде.

5. Передача вещества, энергии и информации в организмах осуществляется аналогично тому, как это происходит в обществе в результате торговли, в процессе коммуникации и т. п.

Общества не похожи на организмы в следующих отношениях:

1. В обществах индивидуумы связаны информационно, но не силами физической или химической природы.

2. Общества не так четко отделены (отграничены) друг от друга, например, два общества могут быть отличны в политическом плане, но не культурно или религиозно.

3. Общества не могут размножаться (в биологическом смысле). Поэтому передача культуры от поколения к поколению неотделима от общего процесса самосохранения (самовоспроизводства) общества²³.

4. Общества способны к изменениям (превращениям) в такой степени, которая не имеет аналогов в органическом мире.

5. Индивидуальные члены общества не похожи на клетки, так как способны действовать с определенной целью и предвидением и

²³ Однако имеются случаи, когда общества воспроизводят себе подобных, например, создавая колонии.

приобретать опыт.

6. В обществе структура и функции менее тесно связаны, чем в организмах.

К. Р. Холлпайк также делает верный вывод о том, что в целом черты сходства между обществом и организмом определяются типом сходства организации и структуры (мы бы добавили, что это сходство разных видов систем). И в этом плане, считает К. Р. Холлпайк, можно использовать аналогии, когда институты = органы; клетки = индивиды; центральное правительство = мозг и т. п. Среди хорошо известных теоретиков этой традиции можно назвать Герберта Спенсера и Эмиля Дюркгейма (1991). К. Р. Холлпайк также с достаточными основаниями указывает здесь Альфреда Рэдклиффа-Брауна и Толкотта Парсонса.

Сравнивая биологические виды и общества, К. Р. Холлпайк (Hallpike 1986: 34) выделяет:

А. Черты сходства:

1. Виды, как и общества, не могут размножаться.
2. И те и другие могут изменяться и развиваются в процессе филогенеза (в отличие от организмов, которые развиваются только в онтогенезе).
3. Те и другие состоят из конкурирующих индивидов.

Б. Отличия:

Общества есть организованные системы, тогда как виды – это просто совокупность индивидуальных организмов.

Далее К. Р. Холлпайк пытается показать, что из-за таких отличий между организмом и обществом (из-за того, что существует разная система передачи признаков внутри общества и от организма к организму, из-за большей сложности общества и по ряду других причин) идея естественного отбора не является продуктивной для социальной эволюции. На наш взгляд, его доказательства не слишком убедительны, хотя в определенных отношениях и имеют смысл. Кроме того, его анализ сосредоточен в основном на уровне отдельного организма и отдельного общества, слабо выходя за пределы изменения организма/общества на надорганизменный уровень (если не считать того, что он говорит об эволюции видов). На наш взгляд, этим К. Р. Холлпайк, несмотря на все свое стремление показать непродуктивность применения теории дарвинизма к социальной эволюции, невольно усиливает эффект сходства между биологической и социальной эволюцией, поскольку аналогия меж-

ду организмом и обществом – как он сам признает – достаточно заметная. В то же время идею о том, что в процессе социальной эволюции возникает несколько принципиально новых надобщественных (надсоциумных) уровней развития, он практически не упоминает и не учитывает. Нам же представляется, что в социальной эволюции крайне важно выделять общественный (социумный) и надобщественный (надсоциумный) виды эволюции (с учетом того, конечно, что они неразрывно связаны). Кроме того, вполне возможно, что было бы более продуктивно сравнивать общества не с организмом или видом, а с экосистемой. Однако это потребовало бы особых методик, поскольку тогда и общество необходимо рассматривать уже не просто как социальный организм, а как часть более широкой системы, включающей в себя природную и социальную окружающую среду.

Мы выделяем следующие различия между социальной и биологической эволюцией:

А. На уровне отдельного общества и организма

1. Как указывал К. Р. Холлпайк, общества способны к изменениям (превращениям) в степени, которая не имеется в органическом мире (Hallpike 1986: 33). Однако общества могут не просто изменяться и трансформироваться, но способны перенимать инновации и новые элементы.

2. Они также могут трансформироваться сознательно и с определенной целью. А таких характеристик в биологической эволюции нет ни в каком виде.

3. В ходе социальной эволюции один и тот же социальный и политический организм может радикально меняться неоднократно.

4. Как мы уже говорили выше, передача ключевой информации в биологической и социальной эволюции сильно отличается в смысле точности соответствия образцам. При зарождении новой биологической особи изменения генов (в результате мутации) хотя и происходят в известном количестве, но большинство из них не имеет сильного фенотипического проявления. При переходе от одного социально-демографического цикла к другому те или иные значимые изменения «социокультурного генотипа» происходят всегда, поскольку межпоколенная передача сколько-нибудь значительных объемов социокультурной информации абсолютно без всяких изменений в принципе невозможна.

5. Как уже сказано, в биологической эволюции благоприобретенные признаки не наследуются, а значит не оказывают влияния на биологическую эволюцию, которая поэтому происходит крайне медленно и не «по Ламарку», а «по Дарвину». В процессе же социальной эволюции благоприобретенные признаки могут наследоваться, и поэтому социальная эволюция идет не столько «по Дарвину», сколько, условно говоря, «по Ламарку» (этот момент был отмечен рядом эволюционистов – см., в частности, комментарий [Mesoudi *et al.* 2006: 345–346]) и поэтому, естественно, несравненно более быстрыми темпами (причем чем ближе к настоящему времени, тем во все большей степени именно «по Ламарку», что обеспечивает ускорение ее темпов)²⁴.

Если в биологической эволюции и есть нечто подобное (например, у бактерий есть «горизонтальный перенос» генов и очень быстрая эволюция и связанное с ним, в частности, всем известное быстрое приобретение устойчивости к антибиотикам), то стоит заметить, что оно есть именно на нижних «этажах» биологической эволюции и отсутствует на верхних, тогда как в социальной макроэволюции дело обстоит существенно наоборот.

6. Очень важно отметить, что хотя между биологическим и социальным организмами есть существенное (фактически «системное») сходство, но в отношении возможности эволюционировать они принципиально различаются. Сам по себе биологический организм не эволюционирует, биологическая эволюция может идти только на более высоком уровне (популяции, вида). Социальная же эволюция вполне прослеживается и на уровне отдельного общественного организма, а внутри него также можно проследить эволюцию отдельных институтов или подсистем. Тут встает интересный вопрос о минимальной социальной единице, в отношении которой можно вести речь об эволюции, выходящий, однако, за рамки нашего исследования.

Б. По результатам социального/естественного отбора

1. В отличие от биологической эволюции, где разные типы организмов сосуществуют, так что распространение ароморфозов ограничено только определенными видами и классами, в социаль-

²⁴ Разумеется, поскольку в социальной эволюции нет ясных различий между «генотипом» и «фенотипом», развитие социальной эволюции «по Дарвину» или «Ламарку» является во многом просто аналогией.

ной эволюции общая тенденция направлена на то, чтобы почти полностью вытеснять организмы, которые не сумели воспользоваться инновациями. В результате раньше или позже тупиковые линии либо уничтожаются, либо модернизируются, либо интегрируются, в то время как в природе они уничтожаются существенно реже и гораздо шире сосуществуют²⁵.

2. Поскольку социальная эволюция особенно сильно отличается от биологической механизмами появления, закрепления и распространения эволюционно новых качеств (ароморфозов), это в долгосрочной перспективе ведет к структурной и системной перестройке в сторону укрупнения объема социальных организмов и усложнения и повышения уровня их организации. При этом очень важно, что в отличие от биологической эволюции, в которой также наблюдается усложнение организмов, такая реорганизация постепенно становится почти непрерывной, так что в последние десятилетия общества, которые постоянно не обновляются, выглядят неполноценными и рискуют исчезнуть. Кроме того, если общества (или – особенно важно – системы обществ) в целом постоянно укрупняются за счет более тесных интеграционных связей, то в природе пик создания крупных организмов давно пройден, а более совершенные млекопитающие намного меньше вымерших динозавров.

3. В социальной эволюции как один из ее результатов и одновременно как способ распространения и закрепления ароморфозов (а часто и самого их появления) создаются особые надобщественные системы, также постоянно укрупняющиеся (см. ниже).

В. На надорганизменном (надобщественном уровне)

В результате указанных выше различий в процессе социальной эволюции создаются особые надобщественные системы двух видов: а) объединения обществ разной сложности (есть аналогии с биологической эволюцией); б) появление элементов и систем, не

²⁵ До последнего времени, практически до XX в., тупиковые линии либо уничтожались, либо модернизировались, либо интегрировались в более сложные системы. Однако нередко они просто отгеснялись в экологические ниши, не представлявшие интереса для сложных обществ, и поэтому могли достаточно долго сохраняться в этих нишах. Но в современных условиях число таких ниш, в которых бы могли уцелеть «тупиковые социальные виды», резко уменьшилось.

относящихся непосредственно ни к одному обществу в отдельности (нет или мало аналогий с биологической эволюцией).

Пункт В требует специальных пояснений. Первый вид надорганизменных образований в принципе весьма характерен и для биологической эволюции²⁶.

Однако в биологической эволюции более сложные, чем одноуровневые, надорганизменные объединения (типа стаи, стада и т. п.), как правило, очень неустойчивы²⁷. В социальной же эволюции уровни нарастают непрерывно: от группы небольших социумов до человечества в целом. Разумеется, тут было бы интересно порассуждать об аналогиях с социальными животными: общественными насекомыми, приматами и др. Можно было бы подумать о сравнении общества не только с отдельным биологическим организмом, но и с группой организмов, связанной кооперативными взаимоотношениями, однако в этом случае общества также нужно будет рассматривать как элемент в системе межобщественных связей. Такие группы широко распространены даже у бактерий, даже у вирусов есть кооперация. Сейчас в биологии довольно хорошо развиты соответствующие теории, объясняющие развитие внутригрупповой кооперации, альтруизма; при этом учитываются такие факторы, как межгрупповая конкуренция, степень внутри- и межгруппового родства, родственный отбор, групповой отбор и др. (см., например, одну из последних статей по теме: Reeve and Hölldobler 2007). Однако это вопросы, которые все-таки выходят за рамки целей настоящей статьи. Кроме того, такие сравнения требуют и разработки особых методик. В частности, если сравнивать общества не с организмом, а с группой организмов, связанной кооперативными взаимоотношениями, тогда и общества нужно было бы рассматривать в системе межобщественных связей, число которых весьма велико.

²⁶ С той большой разницей, что уже более или менее значительное по размерам общество обычно состоит из целой иерархии обществ меньшего уровня сложности, то есть в этом смысле оно, по сути, уже не сравнимо с организмом, а на порядки превосходит его (с организмом его можно сравнивать только в функциональном плане, как верно указывал Холлпайк [Hallpike 1986]).

²⁷ При этом, что характерно, более сложные надорганизменные объединения могут быть в биологической эволюции у организмов менее развитых, что противоположно тенденции в социальной эволюции.

Кроме того, в рамках надобщественных систем (причем чем выше уровень системы, тем это заметнее) создаются определенные элементы, которые уже не относятся ни к одной общественной системе либо существуют только как некая надобщественная величина (типа религиозных центров, общих надгосударственных, надплеменных органов и т. п.).

Таким образом, за счет нарастания уровней надобщественной социальной сложности и появления в чистом виде надобщественных систем создаются механизмы появления ароморфозов, которые в принципе не могли бы сформироваться на общественном уровне. Можно выделить следующие уровни надсоциумных систем:

1) группы обществ; 2) культурные и иные регионы типа цивилизаций; 3) мир-системы (мир-экономики и т. п.); 4) Мир-Система = человечество (после того как она начинает охватывать собой все человечество). Эти уровни можно связать с типами социальных ароморфозов:

А) ароморфоз первого типа (в рамках отдельного общества);

Б) ароморфоз второго типа (в рамках небольшой группы связанных обществ);

В) ароморфоз третьего типа (в рамках большой группы обществ типа культурных регионов или экономических регионов);

Г) ароморфоз четвертого типа (в рамках предельных на данный момент надобщественных систем, которых, однако, в ойкумене существует больше одной);

Д) ароморфоз пятого типа (в рамках одной предельной надобщественной системы [Мир-Система = человечество]).

Надсоциумные ароморфозы, описанные в пунктах В–Д, можно считать ароморфозами высшего типа. Как уже сказано, мы будем называть макроэволюцией эволюцию, для которой характерны именно надсоциумные ароморфозы таких типов.

Кроме того, следует учитывать, что в содержание термина «социальная эволюция» включены не только ароморфозные, но и идиоадаптационные изменения в отдельных обществах и их подсистемах, которые ведут к диверсификации общего развития, увеличению видового разнообразия и т. п.²⁸ Такие идиоадаптационные изменения

²⁸ Напомним, что они дифференцируются на *алломорфоз*, то есть преобразование организации без повышения или упрощения ее сложности, и *специализацию*, то есть выработку узких, односторонних приспособлений.

характерны особенно для уровней А–Б, только частично для уровня В и почти не характерны для уровней Г–Д, для которых как раз характерны ароморфозные изменения, ведущие к качественным поступательным трансформациям, которые можно представить в виде очень длительных трендов развития исторического процесса и Мир-Системы. Это позволяет дополнительно разграничить содержание понятия «социальная эволюция» (более широкий термин) и «социальная макроэволюция» (более узкий, но характеризующий наиболее важные качественные изменения).

(Окончание следует)

Литература

Абрамов, М. А. 2001. *Структурные и циклические закономерности в природе, обществе, искусстве*. Саратов: СГТУ.

Алаев, Л. Б. 2000. *Л. Б. Алаев: община в его жизни. История нескольких научных идей в документах и материалах*. М.: Вост. лит-ра.

Александров, Ю. Г. 1988. О формационной специфике доколониальных восточных обществ. *Народы Азии и Африки* 2.

Бабинцев, В. С., Блинков, В. М. 1991. *Длинные волны экономической конъюнктуры и их влияние на инновационную восприимчивость производства*. М.: ВНИИСИ.

Башляр, Г. 1987. *Новый рационализм* / пер. с фр. М.: Прогресс.

Бергер, П., Лукман, Т. 1995. *Социальное конструирование реальности* / пер. с англ. М: Медиум.

Бокщанин, А. А., Лин Кюньи (ред.). 1980. *Материалы по экономической истории Китая в раннее средневековье (разделы «Шо хо чжи» династийных историй)*. М.: Наука.

Васильев, Л. С.

1993. *История Востока*: в 2 т. М.: Высшая школа.

1997. Генеральные очертания исторического процесса (эскиз теоретической конструкции). *Философия и общество* 1: 89–155.

Васильев, Л. С., Стучевский, И. А. 1966. Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ. *Вопросы истории* 6: 77–90.

Власюк, В. Н. 1993. *Идеализм современного материализма. Основы теории общественного развития*. М.: ИПА.

Глазьев, С. Ю. 1993. *Теория долгосрочного экономического развития*. М.: ВладДар.

Гринин, Л. Е.

1997а. Формации и цивилизации. Глава 1. *Философия и общество* 1: 10–88.

1997б. Формации и цивилизации. Глава 2. *Философия и общество* 2: 5–89.

1997в. Формации и цивилизации. Глава 3. *Философия и общество* 3: 5–92.

2003а. *Производительные силы и исторический процесс*. Изд. 2-е. Волгоград: Учитель.

2003б. *Философия, социология и теория истории*. Изд. 3-е. Волгоград: Учитель.

2006а. Периодизация истории: теоретико-математический анализ. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *История и Математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов* (с. 53–79). М.: КомКнига.

2006б. Проблемы анализа движущих сил исторического развития, общественного прогресса и социальной эволюции. В: Семенов, Ю. И., Гобозов, И. А., Гринин, Л. Е., *Философия истории: проблемы и перспективы* (с. 148–247). М.: КомКнига.

2006в. Раннее государство и его аналоги. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 85–163). Волгоград: Учитель.

2007. *Государство и исторический процесс*: в 3 кн. М.: КомКнига/УРСС.

Гуревич, А. Я. 1999. Древние германцы. Викинги. В: Гуревич, А. Я., *Избранные труды*. Т. 1. М. – СПб.: Университетская книга.

Данто, А. 2002. *Аналитическая философия истории* / пер. с англ. М.: Идея-Пресс.

Докинз, Р. 1993. *Эгоистический ген*. М.: Мир.

Дюркгейм, Э. 1991. *О разделении общественного труда. Метод социологии* / пер. с фр. М.: Наука.

Ерохина, Е. А. 2001. *Стадии развития открытой экономики и циклы* Н. Д. Кондратьева. Томск: Водолей.

Жданко, А. В. 2002–2003. Кибернетическая историософия, или Научная теория истории. *Философия и общество* 1(2002): 113–163; 1(2003): 5–62.

Жуков, Е. М., Барг, М. А., Черняк, Е. Б., Павлов, В. И. 1979. *Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса*. М.: Наука.

Завадский, К. М. 1968. *Вид и видообразование*. Л.: Наука.

Завадский, К. М., Жердев, Р. В. 1971. Проблема специализации в эволюционной теории. *Философские проблемы эволюционной теории*. Ч. 1: 59–63. М.: Наука.

Иорданский, Н. Н. 1977. Неравномерность темпов эволюции и ключевые ароморфозы. *Природа* 6: 3.

Казанцев, С. В., Тесля, П. Н. 1991. *Длинные волны: Научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие*. Новосибирск: Наука.

Карнап, Р. 1971. *Философские основания физики* / пер. с англ. М.: Прогресс.

Качановский, Ю. В. 1971. *Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства?* М.: Наука.

Кедров, Б. М. 2006. *О повторяемости в процессе развития*. М.: КомКнига.

Классен, Х. Й. М. 2000. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма. В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 6–23). М.: Логос.

Кондорсе, Ж. А. 1995 [1795]. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. В: Кимелев, Ю. А. (ред.), *Философия истории. Антология* (с. 38–48). М.: Аспект-Пресс.

Кондратьев, Н. Д.

1928. *Большие циклы конъюнктуры*. М.: РАНИОН.

1989. *Проблемы экономической динамики*. М.: Экономика.

2002. *Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения*. М.: Экономика.

Коротаев, А. В.

1997. *Факторы социальной эволюции*. М.: Ин-т востоковедения РАН.

2003. *Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции*. М.: Вост. лит-ра.

Коротаев, А. В., Комарова, Н. Л., Халтурина, Д. А. 2007. *Законы истории. Вековые циклы и тысячелетние тренды. Демография. Экономика. Войны*. М.: КомКнига/УРСС.

Коротаев, А. В., Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. 2000. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания). В: Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к цивилизации* (с. 24–83). М.: Логос.

Костюк, В. Н. 2002. Длинные волны Кондратьева и теория долговременного экономического роста. *Общественные науки и современность* 6: 90–97.

Крадин, Н. Н., Кортаев, А. В., Бондаренко, Д. М., Лынша, В. А. (ред.). 2000. *Альтернативные пути к цивилизации*. М.: Логос.

Крылов, В. В. 1997. *Теория формаций*. М: Вост. лит-ра.

Крюков, М. В., Переломов, Л. С., Софронов, М. В., Чебоксаров, Н. Н. 1983. *Древние китайцы в эпоху централизованных империй*. М.: Наука.

Лынша, В. А. 1995. Загадка Энгельса. В: Крадин, Н. Н., Лынша, В. А. (ред.), *Альтернативные пути к ранней государственности* (с. 36–58). Владивосток: Дальнаука.

Маевский, В. И. 1994. *Кондратьевские циклы, экономическая эволюция и экономическая генетика*. М.: ИЭ РАН.

Малков, С. Ю.

2002. Математическое моделирование исторических процессов. В: Малинецкий, Г. Г., Курдюмов, С. П. (ред.), *Новое в синергетике. Взгляд в третье тысячелетие* (с. 291–323). М.: Наука.

2003. Математическое моделирование динамики общественных процессов. В: Жеребцов, И. Л. (ред.), *Связь времен*. Т. 2: 190–214. М.: МГВР КОКС.

2004. Математическое моделирование исторической динамики: подходы и модели. В: Дмитриев, М. Г. (ред.), *Моделирование социально-политической и экономической динамики* (с. 76–188). М.: РГСУ.

Малков, С. Ю., Ковалев, В. И., Малков, А. С. 2000. История человечества и стабильность (опыт математического моделирования). *Стратегическая стабильность* 3: 52–66.

Малков, С. Ю., Коссе, Ю. В., Бакулин, В. Н., Сергеев, А. В. 2002. Социально-экономическая и демографическая динамика в аграрных обществах. *Математическое моделирование* 14(9): 103–108.

Малков, С. Ю., Малков, А. С. 2000. История в свете математического моделирования. В: Осипов, Ю. М., Бестужев-Лада, И. В., Зотова, Е. С., Наумова, Г. Р. (ред.), *История за и против истории*. Кн. 2: 54–76. М.: Центр общественных наук.

Малков, С. Ю., Селунская, Н. Б., Сергеев, А. В. 2005. Социально-экономические и демографические процессы в аграрном обществе как объект математического моделирования. В: Малков, С. Ю., Кортаев, А. В. (отв. ред.), *История и синергетика: Математическое моделирование социальной динамики* (с. 70–87). М.: УРСС.

Малков, С. Ю., Сергеев, А. В.

2002. Математическое моделирование социально-экономической устойчивости развивающегося общества. *Стратегическая стабильность* 4: 54–61.

2004а. *Математическое моделирование экономико-демографических процессов в аграрном обществе*. М.: Ин-т прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН.

2004б. Оценка устойчивости социальных систем на основе экономико-демографического моделирования. В: Архипова, Н. И., Кульба, В. В. (ред.), *Проблемы управления безопасностью сложных систем* (с. 356–359). М.: РГГУ.

Малявин, В. В. 1983. *Гибель древней империи*. М.: Наука.

Мамкаев, Ю. В. 1968. Сравнение морфологических различий в низших и высших группах одного филогенетического ствола. *Журнал общей биологии*. Т. 29: 48–55.

Марков, А. В., Наймарк, Е. Б. 1998. *Количественные закономерности макроэволюции*. М.: Геос.

Маркович, Д. Ж. 1993. *Общая социология* / пер. с серб. Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та.

Матвеев, Б. С. 1967. Значение воззрений А. Н. Северцова на учение о прогрессе и регрессе в эволюции животных для современной биологии. В: Северцов, А. Н. *Главные направления эволюционного прогресса* (с. 140–172). М.: Изд-во МГУ.

Мечников, Л. И. 1995. *Цивилизации и великие исторические реки*. М.: Прогресс.

Мёрдок, Дж. П. 2002. *Социальная структура*. М.: ОГИ.

Мизес, Л. фон. 2001. *Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции* / пер. с нем. М.: Юнити-Дана.

Нагель, Э. 1977. Детерминизм в истории. В: Кон, И. С. (ред.), *Философия и методология истории* (с. 94–114). М.: Прогресс.

Нефедов, С. А.

2002а. Опыт моделирования демографического цикла. *Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер»* 29: 131–142.

2002б. О теории демографических циклов. *Экономическая история* 8: 116–121.

2003. Теория демографических циклов и социальная эволюция древних и средневековых обществ Востока. *Восток* 3: 5–22.

2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ.

Нефедов, С. А., Турчин, П. В. 2007. Опыт моделирования демографически-структурных циклов. В: Малков, С. Ю., Гринин, Л. Е., Кортаев, А. В. (ред.), *История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства* (с. 153–167). М.: КомКнига/УРСС.

Никифоров, В. Н. 1977. *Восток и всемирная история*. М.: Наука.

Павленко, Ю. В.

1989. *Раннеклассовые общества: Генезис и пути развития*. Киев: Наукова думка.

1997. Альтернативные подходы к осмыслению истории и проблема их синтеза. *Философия и общество* 3: 93–133.

2002. *История мировой цивилизации. Философский анализ*. Киев: Феникс.

Пантин, В. И. 1996. *Циклы и ритмы истории*. Рязань: Аракс.

Парсонс, Т. 2000. *О структуре социального действия*. М.: Академ-Проект.

Поппер, К.

1983. *Логика и рост научного знания* / пер. с англ. М.: Прогресс.

1992. *Открытое общество и его враги: в 2 т.* / пер. с англ. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива».

Пригожин, И., Стенгерс, И. 2000. *Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой* / пер. с англ. М.: Эдиториал УРСС.

Пуанкаре, А. 1990. *О науке* / пер. с фр. М.: Наука.

Расницын, А. П. 2002. Процесс эволюции и методология систематики. *Труды Русского энтомологического общества* 73: 1–108

Румянцева, С. Ю. 2003. *Длинные волны в экономике: многофакторный анализ*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Северцов, А. Н.

1939. *Морфологические закономерности эволюции*. М. – Л.: Изд-во АН СССР.

1967. *Главные направления эволюционного процесса*. 3-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та.

Северцов, А. С. 1987. Критерии и условия возникновения ароморфной организации. *Эволюция и биоценотические кризисы*. М.: Наука.

Седов, Л. А. 1987. К типологии средневековых общественных систем Востока. *Народы Азии и Африки* 5: 52–61.

Спенсер, Г. 1899. *Основания социологии*: в 2 т. Киев – Харьков – СПб.

Тейяр де Шарден, П. 1987. *Феномен человека* / пер. с фр. М.: Наука.

Турчин, П. В. 2007. *Историческая динамика. На пути к теоретической истории*. М.: КомКнига/УРСС.

Тюрго, А. Р. Ж. 1961 [1776]. Размышления о создании и распределении богатств. В: Тюрго, А. Р. Ж., *Избранные экономические произведения*. М.: Соцэргиз.

Уайтхед, А. Н. 1990. *Избранные работы по философии* / пер. с англ. М.: Прогресс.

Умов, В. И., Лапкин, В. В. 1992. Кондратьевские циклы и Россия: прогноз реформ. *Полис* 4: 51–92.

Франк, С. Л. 1992. *Духовные основы общества*. М.: Республика.

Хоцей, А. С. 1999–2000. *Теория общества*: в 3 т. Казань: Матбугат Йорты.

Шмальгаузен, И. И.

1939. *Пути и закономерности эволюционного процесса*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

1969. *Проблемы дарвинизма*. Л.: Наука.

Штомпка, П. 1996. *Социология социальных изменений* / пер. с англ. М.: Аспект-Пресс.

Allen, R. G. D. 1968. *Macro-Economic Theory: A Mathematical Treatment*. London: Macmillan.

Artzrouni, M., Komlos, J. 1985. Population Growth through History and the Escape from the Malthusian Trap: A Homeostatic Simulation Model. *Genus* 41(3–4): 21–39.

Aunger, R. 2006. Culture Evolves only if there is Cultural Inheritance. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 347–348.

Ball, P. 2004. *Critical Mass*. N. Y., NY: Random House.

Barkow, J. H. 2006. Vertical/compatible Integration versus Analogizing with Biology. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 348–349.

Barnett, V. 1998. *Kondratiev and the Dynamics of Economic Development*. London: Macmillan.

Bielenstein, H. 1986. Wang Mang, the Restoration of the Han Dynasty, and Later Han. In Twitchett, D., and Loewe, M. (eds.), *The Cambridge History*

of China. 1. *The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220* (pp. 223–290). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Blackmore, S. 2006. Why we Need Memetics. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 349–350.

Borsboom, D. 2006. Evolutionary Theory and the Riddle of the Universe. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 351.

Bridgeman, B. 2006. It is not Evolutionary Models, but Models in General that Social Science Needs. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 351–352.

Bunzl, M. 1997. *Real History: Reflections on Historical Practice*. London; N. Y.: Routledge.

Carneiro, R. L.

1973. The Four Faces of Evolution. In Honigman, J. J. (ed.), *Handbook of Social and Cultural Anthropology* (pp. 89–110). Chicago.

2003. *Evolutionism in Cultural Anthropology. A Critical History*. Boulder, Colorado: Westview.

Chu, C. Y. C., Lee, R. D. 1994. Famine, Revolt, and the Dynastic Cycle: Population Dynamics in Historic China. *Journal of Population Economics* 7: 351–378.

Claessen, H. J. M.

1989. Evolutionism in Development. *Vienne Contributions to Ethnology and Anthropology* 5: 231–247.

2000. Problems, Paradoxes, and Prospects of Evolutionism. In Kradin, N. N., Korotaev, A. V., Bondarenko, D. M., de Munck, V., and Wason, P. K. (eds.), *Alternatives of Social Evolution* (pp. 1–11). Vladivostok: FEB RAS.

Claessen, H. J. M., and Oosten, J. G. (eds.). 1996. *Ideology and the Formation of Early States*. Leiden: Brill.

Claessen, H. J. M., and van de Velde, P.

1982. Another Shot at the Moon. *Research* 1: 9–17.

1985. The Evolution of Sociopolitical Organization. In Claessen, H. J. M., van de Velde, P., and Smith, M. E. (eds.), *Developments and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* (pp. 1–12). South Hadley MA: Bergin & Garvey.

1987. Introduction. In Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.), *Early State Dynamics* (p. 1–23). Leiden etc.: Brill.

Collins, R. 1988. *Theoretical Sociology*. San Diego, CA: Jovanovich.

Cronk, L. 2006. Intelligent Design in Cultural Evolution. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 352–353.

Devezas, T., and Modelski, G. 2003. Power Law Behavior and World System Evolution. *Technological Forecasting and Social Change* 70: 819–859.

Dennett, D., McKay, R. 2006. A Continuum of Mindfulness. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 353–354.

Dobzhansky, T., Ayala, F. J., Stebbins, G. L., and Valentine, J. W. 1977. *Evolution*. San Francisco, CA: W. H. Freeman.

Fuentes, F. 2006. Evolution is Important but it is not Simple: Defining Cultural Traits and Incorporating Complex Evolutionary Theory. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 354–355.

Futuyma, D. J. 1986. *Evolutionary Biology*. 2nd ed. Sunderland, M. A.: Sinauer.

Gellner, E. 1988. *Plough, Sword and Book. The Structure of Human History*. Chicago: The University of Chicago Press.

Goldstein, J. 1988. *Long Cycles: Prosperity and War in the Modern Age*. New Haven, CT: Yale University Press.

Goldstone, J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: Univ. of California Press.

Grinin, L. E.

2003. The Early State and its Analogues. *Social Evolution & History* 1(1): 131–176.

2004. The Early State and its Analogues: A Comparative Analysis. In Grinin, L. E., Carneiro, R. L., Bondarenko, D. M., Kradin, N. N., Korotayev, A. V. (eds.), *The Early State, its Alternatives and Analogues* (pp. 88–136). Volgograd: Uchitel.

Hallpike, C. R. 1986. *Principles of Social Evolution*. Oxford: Clarendon.

Kelly, D., Machery, E., Mallon, R., Mason, K., Stich, S. P. 2006. The Role of Psychology in the Study of Culture. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 355.

Kincaid, H. 2006. Evolutionary Social Science beyond Culture. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 356.

Knudsen, T., Hodgson, G. M. 2006. Cultural Evolution is more than Neurological Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 356–357.

Komlos, J., Nefedov, S. 2002. A Compact Macromodel of Pre-Industrial Population Growth. *Historical Methods* 35: 92–94.

Lee Mabel Ping-hua. 1921. *The Economic History of China, with Special Reference to Agriculture*. N. Y., NY: Columbia University Press (Studies in History, Economics and Public Law, 99).

Little, D. 1993. On the Scope and Limits of Generalizations in the Social Sciences. *Synthese* 97: 2.

Loewe, M. 1986. The Conduct of Government and the Issues at Stake (A.D. 57–167). In Twitchett, D., and Loewe, M. (eds.), *The Cambridge History of China*. 1. *The Ch'in and Han Empires, 221 B.C. – A.D. 220* (pp. 277–322). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Lyman, R. L. 2006. Cultural Traits and Cultural Integration. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 357–358.

Mager, N. H. 1987. *The Kondratieff Waves*. N. Y., NY: Praeger.

Mandel, E. 1980. *Long Waves of Capitalist Development: The Marxist Interpretation*. London: Cambridge University Press.

Mende, W., Wermke, K. 2006. A Long Way to Understanding Cultural Evolution. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 358–359.

Mesoudi, A., Whiten, A., and Laland, K. 2006. Towards a Unified Sciences of Cultural Evolution. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 329–383.

Mulder, M. B., McElreath, R., Schroeder, K. B. 2006. Analogies are Powerful and Dangerous Things. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 350–351.

Nefedov, S. A. 2004. A Model of Demographic Cycles in Traditional Societies: The Case of Ancient China. *Social Evolution & History* 3(1): 69–80.

Nisbet, R. 1980. *History of Idea of Progress*. N. Y.: Basic Books.

O'Brien, M. J. 2006. Archaeology and Cultural Macroevolution. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 359–360.

Pagel, M. 2006. Darwinian Cultural Evolution Rivals Genetic Evolution. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 360.

Popper, K. R. 1964 [1957]. *The Poverty of Historicism*. N. Y.: Harper & Row.

Pomper, P., and Shaw, D. C. (eds.). 2002. *The Return of Science. Evolution, History, and Theory*. Boulder, N. Y.: Rowman & Littlefield publishers, Inc.

Read, D. W. 2006. Cultural Evolution is not Equivalent to Darwinian Evolution. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 361.

Reader, S. M. 2006. Evo-devo, Modularity, and Evolvability: Insights for Cultural Evolution. *Behaviorial and Brain Sciences* 29: 361–362.

Reeve, H. K., Hölldobler, B. 2007. The Emergence of a Superorganism through Intergroup Competition. *Proceedings of the National Academy of Sciences* (forthcoming).

Rensch, B. 1959. *Evolution above the Species Level*. London: Methuen.

Sahlins, M. D.

1960. Evolution: Specific and General. In Sahlins, M. D., and Service, E. R. (eds.), *Evolution and Culture* (pp. 12–44). Ann Arbor.

1972. *Stone Age Economics*. Chicago.

Sanderson, S. K. 2007. *Evolutionism and its Critics: Deconstructing and Reconstructing an Evolutionary Interpretation of Human Society*. Boulder, CO: Paradigm.

Solomou, S. 1990. *Phases of Economic Growth, 1850–1973: Kondratieff Waves and Kuznets Swings*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Sopher, B. 2006. A Unified Science of Cultural Evolution should Incorporate Choice. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 362–363.

Spencer, H. 1972. *On Social Evolution* (selected writings edited and introduced by J. D. Y. Peel). Chicago: Aldine.

Steward, J. H. 1972 [1955]. *Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution*. Urbana: University of Illinois Press.

Tehrani, J. 2006. The Uses of Ethnography in the Science of Cultural Evolution. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 363–364.

Turchin, P.

2003. *Historical Dynamics: Why States Rise and Fall*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

2005a. Dynamical Feedbacks between Population Growth and Sociopolitical Instability in Agrarian States. *Structure and Dynamics* 1.

2005b. *War and Peace and War: Life Cycles of Imperial Nations*. N. Y., NY: Pi Press.

Turchin, P., and Korotayev, A. 2006. Population Density and Warfare: A reconsideration. *Social Evolution & History* 5(2): 121–158.

Usher, D. 1989. The Dynastic Cycle and the Stationary State. *The American Economic Review* 79: 1031–1044.

Voget, F. W. 1975. *A History of Ethnology*. N. Y.: Holt, Rinehart & Winston.

Wimsatt, W. S. 2006. Generative Entrenchment and an Evolutionary Developmental Biology for Culture. *Behavioral and Brain Sciences* 29: 364–366.

Wiener, N. A. 1953. A Machine Wiser than its Maker. *Electronics* 26(6): 368–374.

Wright, D. C. 2001. *The History of China*. Westport, CT: Greenwood.